

Ирэн Весёлая • СТАТУС — РАЗВЕДЕНА! Требуется муж на час

The background of the book cover is a photograph of a man and a woman walking down a city street at dusk. The woman, on the left, is wearing a dark, long coat over a brown dress and a matching scarf. She has dark hair and is looking towards the camera with a slight smile. The man, on the right, is wearing a dark suit and a black turtleneck. He is holding a large black rolled-up object, possibly a rug or a piece of furniture, and a large wrench in his other hand. In the background, there are city buildings and a mosque with blue domes and minarets, illuminated by streetlights and the warm glow of the setting or rising sun.

«Статус — Разведена!»

Требуется муж на час

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая Статус-Разведена! Требуется муж на час.

<https://litres.ru/74469174>

Аннотация

Двадцать лет брака вылетели в трубу в тот момент, когда я открыла дверь своей спальни. Мой муж Андрей, ради которого я когда-то бросила Москву и переехала в Казань, оказался в нашей постели со своей богатой начальницей. Они смеялись над моей «простотой» и «домашностью». Что ж, ужин подан, господа! Кастрюля горячей лапши на их головы — это мой последний подарок этой семье. Я ушла в никуда, в свои пятьдесят, оставив в квартире предателя. Но прежде чем я успела купить билет до Москвы, казанская квартира моей подруги преподнесла сюрприз — сорванный кран. Вызванный мастер из службы «Муж на час» оказался слишком породист для сантехника. Его взгляд — точная копия глаз моего сына. Его руки — руки художника, а не работяги. Кто он? Случайный прохожий или человек, чью тайну я ношу в сердце уже восемнадцать лет? Я думала, что в пятьдесят жизнь заканчивается. Оказалось — это только начало. И в этой новой жизни точно нет места бывшему, который внезапно «всё осознал». В книге вас ждут:

✓ Измена и развод: больно, честно, без шансов на прощение.

✓ Сильная героиня: технолог, которая знает рецепт идеального теста и новой жизни.

✓ Настоящий мужчина: зрелый, надежный, способный починить и кран, и разбитое сердце.

✓ Загадка прошлого: встреча в Казани, которая аукнется в Москве.

✓ Справедливое возмездие: когда «удобная жена» становится недостижимой мечтой.

✓ Очень эмоциональный Хэппи-Энд.

От автора: Героине 50 лет, герою 52. Это история о том, что развод — это не конец света, а стартовая площадка. Мы пройдем путь от казанских дворов до московских проспектов, чтобы найти правду, которую скрывали 20 лет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3(Ильшат)	27
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7(Ильшат)	65
Глава 8	71
Глава 9	79
Глава 10(Ильшат)	87
Глава 11	95
Глава 12	106
Глава 13	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Глава 1

Желтки фермерских яиц делали тесто невероятно плотным, тугим, почти глянцевым. Я с силой налегала на тяжелую деревянную скалку, раскатывая неподатливый пласт по присыпанной мукой стальной столешнице. В экспериментальном цеху хлебозавода стоял густой, сладковатый запах ванили, пережженного сахара и поднимающейся опары. Для кого-то этот аромат показался бы удушливым, но для меня, проработавшей здесь технологом не один год, он был синонимом жизни.

Мои руки, припудренные белой пылью, двигались ритмично, доведенным до автоматизма механизмом. Короткие ногти с идеальным нюдовым покрытием мелькали над желтоватой поверхностью будущей домашней лапши. Плечи слегка ныли от напряжения, поясница напоминала о том, что мне уже пятьдесят, но тело все еще отзывалось на физическое усилие приятным мышечным жаром.

Я вымешивала тесто и ловила себя на мысли, что наш брак с Андреем похож на эту массу. Чтобы не было комков, чтобы ничего не рвалось на сгибах, нужно постоянно вкладывать силу, тепло рук и бесконечное терпение. Двадцать лет я была тем самым пекарем, который следил, чтобы наша семейная лодка не пригорела.

И мне казалось, у нас всё хорошо. Стабильно. Даже если

страсть поутихла, осталось уважение и та самая родственная связь, которую не разорвать.

Мой взгляд упал на запястье левой руки, где тикали простые часики на кожаном ремешке. Вспомнилось утро. Андрей собирался на работу, застегивал манжету рубашки, и я заметила на его руке массивный хронометр. Стальной корпус, тяжелый браслет, сапфировое стекло, хищно бликующее на солнце. Вещь выглядела дорого. Неприлично дорого для прораба на стройке.

— Андрюш, это что? — спросила я тогда, помешивая овсянку. — Ты ограбил банк?

Он даже не обернулся, продолжая поправлять галстук перед зеркалом.

— А, это... — бросил он небрежно. — Мужики из бригады скинулись на юбилей фирмы, подарили копию какой-то швейцарской марки. Хорошая реплика, правда? Китайцы научились делать. Ну и Эльмира Камильевна премию выписала небольшую, сказала, чтобы прорабы выглядели презентабельно перед инвесторами. Дресс-код, Мил.

Я тогда лишь улыбнулась. Ну конечно, реплика. Откуда у нас деньги на настоящий «Breitling»? Мы только недавно закрыли ипотеку за квартиру, помогали Никите в Москве. Андрей всегда любил пустить пыль в глаза, выглядеть значимее, чем есть. Пусть носит, если ему так комфортнее руководить рабочими. Я никогда не была ревнивой или подозрительной. Зачем? Мы прошли через ад бесплодия, через безденежье

девяностых, через переезд. Такие пары не распадаются из-за мелочей.

Я стряхнула муку с рук и подошла к раковине. Включила прохладную воду. Нужно позвонить ему. Узнать, во сколько он вернется, чтобы успеть сварить его любимую лапшу к приходу.

Гудки шли долго. Обычно на стройке шумно — рев бетономешалок, маты, грохот. Но когда Андрей ответил, на фоне стояла странная, ватная тишина.

— Да, Мил? — голос мужа звучал немного сдавленно, но спокойно.

— Привет, родной. Ты сегодня вовремя? Я хотела ужин особый сделать, просто так, без повода.

— Не получится, — вздохнул он, и я почти увидела, как он картинно морщится. — У нас ЧП на объекте, комиссия из главного офиса нагрянула. Эльмира Камильевна рвет и мечет, будем сидеть до ночи с документами. Сдача на носу, сама понимаешь. Не жди меня, ложись.

Внутри шевельнулось сочувствие. Бедный. Ему пятьдесят один, давление скачет, а он все еще носится по стройкам, угождает этой властной бабе-начальнице.

— Ладно, — сказала я мягко. — Держись там. Я оставлю ужин на плите. Люблю тебя.

— Угу, давай, — буркнул он и отключился.

Никаких подозрений. Только легкая грусть от того, что вечер пройдет в одиночестве перед телевизором.

Дверь цеха распахнулась, впуская сквозняк и начальника смены, Марата.

— Милана Юрьевна! — гаркнул он весело. — Сворачиваем лавочку! На подстанции авария, света не будет до утра. Директор распорядился всех отпустить. Домой!

Я посмотрела на часы. Половина пятого.

Сердце радостно подпрыгнуло. Это же знак! Я успею захватить на рынок, купить хорошего вина, зелени, сыра. Приготовлю всё, накрою стол, зажгу свечи. И когда Андрей вернется — злой и уставший после своей комиссии — дома его будет ждать рай. Может, это именно то, чего нам не хватало в последнее время? Немного романтики в серых буднях.

Я быстро нарезала тесто тонкими полосками, уложила лапшу в контейнер, пересыпав мукой, и, напевая под нос, побежала в раздевалку.

Вечерняя Казань была умыта дождем. Я поймала такси, заехала в хороший гастроном. Выбрала бутылку красного сухого, которое Андрей любил, взяла пучок фиолетового базилика, помидоры черри и кусок пармезана. Потратила лишнее, но почему-то сегодня хотелось праздника.

Поднимаясь в лифте на свой этаж, я представляла его лицо. Как он удивится. Как обнимет меня, уткнется носом в

шею, скажет: «Спасибо, Мила, что ты у меня есть».

Я достала ключи. По привычке хотела позвонить в звонок, но вовремя одернула руку. Сюрприз же! Вставила ключ в замочную скважину, повернула его максимально плавно, чтобы язычок замка щелкнул почти беззвучно.

Толкнула тяжелую дверь и шагнула в прихожую.

В квартире царил полумрак, разбавленный лишь светом уличного фонаря из окна кухни. Я тихо прикрыла дверь, поставила тяжелый пакет на пол и уже начала расстегивать плащ, как мой взгляд упал на коврик.

Мир качнулся.

Рядом со стоптанными, грязными ботинками Андрея, в которых он ходил на работу, стояла пара обуви, которой здесь быть не могло.

Роскошные черные лодочки на шпильке. Дорогая кожа, хищный изгиб, узнаваемая алая подошва. Это были не туфли жены прораба. Это была обувь женщины, которая привыкла повелевать. И они стояли здесь, в моей прихожей, так похозяйски небрежно, одна туфля чуть опрокинута набок.

Я замерла, не в силах сделать вдох. Мозг, инерционный и доверчивый, попытался найти логичное объяснение. Может, Эльмира Камильевна заехала за документами? Может, они работают здесь, потому что в офисе ремонт?

Но тут меня накрыл запах.

В нашей квартире всегда пахло выпечкой и лавандой. Сейчас воздух был густым, тяжелым, пропитанным чужим,

агрессивным парфюмом — сложная смесь уда, мускуса и чего-то приторно-восточного. Я знала этот запах. Так пахло от Андрея, когда он возвращался с планерок. Он говорил: «Накурено у начальницы, пропитался».

Я сделала шаг вперед, не снимая сапог. В квартире было тихо. Но это была не пустая тишина. Это была тишина, за которой кто-то прятался.

Из нашей спальни — двери были приоткрыты — донесся звук.

Женский смех. Не деловой, не коллегиальный. Низкий, горловой, ленивый смех сытой кошки.

— Андрюш, ну хватит... — протянул женский голос, в котором я безошибочно узнала его начальницу, ту самую «железную леди» Эльмиру. — Мне завтра на совет директоров, а ты меня совсем загонял.

— Подождет твой совет, — ответил мой муж.

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать. Его голос. Не уставший, не замученный комиссиями. Это был голос альфа-самца, вальяжный, самодовольный. Голос, которого я не слышала обращенным ко мне уже лет десять.

Я услышала скрип пружин нашей кровати. Той самой, которую мы выбирали вместе, экономя на отпуске, чтобы купить ортопедический матрас для его больной спины.

— Слушай, — лениво произнесла Эльмира, и я представила, как она потягивается на моих простынях. — А твоя клуша точно не припрется? Ты сказал, она технолог? Вдруг

смена кончится?

Я ждала, что он защитит меня. Одернет. Скажет: «Не смей так называть мою жену».

— Да брось, Эль, — хмыкнул Андрей. Звук зажигалки, запах сигаретного дыма пополз по коридору. Он курил в постели. В моей спальне! — Милана — она же как мебель. Удобная, предсказуемая. Ей полтинник, куда она денется? Даже если придет — я скажу, что мы совещаемся. Она поверит. Она всему верит. Приготовит пожарть и уйдет на кухню.

— Удобная, говоришь? — усмехнулась любовница. — А часы тебе понравились? Не жмут?

— Шикарные котлы, Эль. Пацаны обзавидуются. Сказал жене, что реплика китайская, она и уши развесила.

Слова ударили сильнее пощечины. «Мебель». «Клуша». «Удобная».

Вот, значит, как. Все эти двадцать лет, все жертвы, лечение, ЭКО, моя молодость, которую я положила к его ногам, переехав в этот город — все это было просто «удобством». Он не просто спал с ней. Он презирал меня. Он смеялся надо мной вместе с ней, на моих простынях, с ее часами на руке.

Я стояла в темном коридоре. Слезы не текли. Вместо них внутри поднималась горячая, ослепляющая волна. В правой руке я все еще сжимала ручку пакета с вином, а в левой — пластиковый контейнер с лапшой. Той самой, которую я с такой любовью катала для него.

— Удобная, значит... — прошептала я одними губами.

Я медленно поставила пакет на пол. Пальцы сжались на крышке контейнера. Ярость, чистая и звенящая, вытеснила боль. Я не буду плакать в уголке, как побитая собака. Я не доставлю им такого удовольствия.

Мое тело сработало раньше, чем мозг успел отдать команду. Это был странный, пугающий автопилот. Вместо того чтобы ворваться в спальню с криками, я, ступая бесшумно, как тень, скользнула на кухню.

Здесь, в моем царстве хромированных кастрюль и идеально чистых поверхностей, я чувствовала себя уверенно. Руки двигались сами. Я поставила на плиту сотейник. Щелкнул электроподжиг, вспыхнуло голубое пламя. Я плеснула туда воды из чайника — она была еще горячее после утреннего чая, поэтому закипела почти мгновенно.

Зачем я это делала? Я не знала. Может быть, это был шок. Может быть, привычка технолога доводить процесс до конца. А может, подсознание уже нарисовало план мести, пока рассудок пытался переварить слово «клуша».

Я высыпала в кипящую воду содержимое контейнера. Моя идеальная, золотистая лапша, нарезанная с любовью.

Из спальни снова донесся голос Андрея. Теперь он был громче, самоувереннее.

— Да забей ты на нее. Милана — терпила. Она даже если узнает, промолчит. Побойтся остаться одна на старости лет.

Кому она нужна с таким «багажом»? А я — мужчина в самом соку.

Вода в сотейнике забурлила, поднимая шапку крахмальной пены.

«Терпила». «Старость». «Багаж».

Я помешала лапшу ложкой. Три минуты. Свежему тесту нужно всего три минуты.

— Ты уверен, что она не придет? — лениво переспросила Эльмира. — Я не хочу сцен. Это вульгарно.

— Она на заводе. Там авария, будут сидеть до ночи. Я же знаю ее график лучше, чем свой. Расслабься, Эль. Иди ко мне.

Я выключила газ. Лапша была готова. Густая, горячая, тяжелая масса в обжигающем бульоне.

Я не стала сливать воду.

Взяв сотейник за длинную ручку, я почувствовала приятную тяжесть. Металл обжигал ладонь, но эта боль отрезвляла. Я глубоко вдохнула. В воздухе кухни пахло не базиликом и вином, а предательством.

Я вышла в коридор.

Дверь в спальню была приоткрыта. Я толкнула ее ногой.

Картина, открывшаяся мне, была достойна дешевого бульварного романа. Мой муж, мой Андрей, с которым мы двадцать лет делили одну подушку, полулежал на смятых

простынях. На его волосатой груди покоилась голова Эльмиры Камильевны. Та самая начальница, которая на корпоративах говорила тосты о семейных ценностях, сейчас была абсолютно голой, если не считать бриллиантовых пусетов в ушах.

На запястье Андрея хищно блеснули те самые часы. «Реплика», купленная на деньги, отнятые у семьи.

Первым меня заметил он.

Его глаза округлились комично, почти карикатурно. Он дернулся, пытаясь прикрыться простыней, но запутался в ней ногами.

— Ми... Милана? — его голос дал петуха. — Ты же... Ты же на работе!

Эльмира среагировала медленнее. Она лениво повернула голову, и на ее лице, еще не утратившем выражения сытого превосходства, начало проступать брезгливое удивление.

— Я же говорила, — процедила она, даже не пытаясь прикрыться. — Какая бестактность.

— Ты сказал, что хочешь ужин, Андрей, — мой голос звучал спокойно, пугающе ровно. Я не узнавала сама себя. — Ты сказал, что голоден.

— Мила, подожди, это не то, что ты... — он начал лепетать этот вечный бред всех пойманных за руку мужей, выставя перед собой ладони.

Я подошла к краю кровати.

— Я приготовила. Всё, как ты любишь. Домашняя. Свежая.

— Убери это, — взвизгнула Эльмира, наконец осознав угрозу. Она увидела пар, поднимающийся от кастрюли. — Ты больная? А ну вышла вон из моего... то есть, из этой комнаты!

— Приятного аппетита, — сказала я.

И резким движением перевернула сотейник.

Поток горячей воды, пара и тяжелых, липких полосок теста обрушился прямо на них. На шелковое белье, на «швейцарские» часы, на идеальную укладку Эльмиры и на пивной живот моего мужа.

Эффект был мгновенным.

Тишину квартиры разорвал двойной визг. Андрей взревел, как раненый бизон, вскакивая и стряхивая с себя жгучие макаронные изделия. Эльмира заверещала на ультразвуке, пытаясь отодрать от голой кожи горячее тесто.

— Сука! Ты меня сварила! — орал Андрей, прыгая на одной ноге и путаясь в мокрой простыне. — Ты больная! Психопатка!

— Мои волосы! — вторила ему Эльмира, пытаясь выпутать лапшу из сложной прически. — Я тебя засужу! Ты знаешь, кто я?!

Я не стала смотреть на этот цирк. Внутри меня было пусто и звонко, как в вымытом ведре. Ярость ушла, уступив место

ледяному презрению.

Я швырнула пустой сотейник на пол. Грохот металла о паркет прозвучал финальным гонгом.

— Ключи от дачи на тумбочке в прихожей, — сказала я, глядя на мужа, у которого на ухе повисла длинная полоска лапши. — Заберешь, когда я съеду. А сейчас... доедайте.

Я развернулась на пятках.

— Милана! Стоять! — рявкнул Андрей мне в спину, пытаясь вернуть контроль, но выглядел он при этом жалко — красный, мокрый, в тесте. — Ты никуда не пойдешь! Ты хоть понимаешь, что ты натворила? Кто стирать это будет?!

— Эльмира Камильевна постирает, — бросила я через плечо, не останавливаясь. — Она же любит руководить процессами.

Я вышла в коридор. Подхватила свою сумку. Пакет с вином и сыром так и остался стоять у стены — мой прощальный подарок их испорченному вечеру.

Руки не дрожали. Я накинула плащ, сунула ноги в ботинки. Схватила с полки папку с документами — паспорт, диплом, свидетельство о рождении Никиты — я всегда хранила их в одном месте, привычка к порядку сегодня спасла мне жизнь.

Сзади доносились проклятия и шум воды — они побежали в ванную.

Я открыла входную дверь. Вдохнула воздух подъезда — сырой, пахнувший табаком и старой краской, но сейчас он по-

казался мне слаще альпийских лугов.

Это был воздух свободы.

Я вышла на лестничную клетку и с силой, вкладывая в это движение всю боль последних двадцати лет, захлопнула за собой дверь. Грохот эхом разлетелся по этажам, ставя жирную точку в моей прошлой жизни.

Назад дороги не было.

Я сбегала по ступеням вниз, на улицу, в темноту. У меня не было плана, не было жилья, а на карте оставались копейки, потому что все накопления были на счете мужа. Но я улыбалась. Зло, криво, сквозь подступающие слезы, но улыбалась.

Я больше не удобная. Я больше не мебель.

Я достала телефон и набрала единственный номер, который могла вспомнить в этом состоянии.

— Люба? — хрипло сказала я в трубку, когда подруга ответила. — Люб, у тебя есть вино? Я еду. И... кажется, я только что подала на развод. С помощью макарон по-флотски.

Глава 2

Такси пахло дешевым ароматизатором «Елочка» и въевшимся в обивку табаком. Этот запах смешивался с ароматом дождя, врывавшимся в приоткрытое окно, и создавал тошнотворный коктейль, от которого кружилась голова. Я смотрела на проносящиеся мимо огни вечерней Казани, но видела не город, а искаженное яростью лицо мужа с повисшей на ухе лапшой.

Адреналин, который гнал меня вниз по лестнице и заставлял чувствовать себя героиней боевика, начал стремительно отступать. Его место занимала липкая, холодная дрожь. Руки, еще десять минут назад твердо державшие сотейник, теперь тряслись так, что я с трудом попадала пальцем по экрану смартфона.

Телефон вибрировал без остановки. Я ожидала увидеть поток проклятий от Андрея или, может быть, жалкие попытки извиниться. Но реальность оказалась куда прозаичнее и страшнее.

Экран вспыхнул холодным синим светом банковского приложения.

*«Уведомление: Доступ к дополнительной карте 4589 ограничен владельцем основного счета».

Следом, с интервалом в секунду, прилетело второе сообщение:

*«Кредитный лимит по карте 1200 изменен на 0.00 RUB».

Я усмехнулась, чувствуя, как к горлу подкатывает истерический смешок. Андрей действовал быстро. Он не стал тратить время на звонки и выяснение отношений. Он ударил туда, где, по его мнению, находилась моя «кнопка выключения» — по кошельку. Он знал, что моя зарплата технолога на заводе — это слезы по сравнению с его доходами, и что все семейные накопления, которые мы откладывали на «подушку безопасности» и помощь Никите, лежали на его счетах. Потому что «так надежнее, Мил, я же мужчина, я контролирую бюджет».

Вот он и проконтролировал.

Я открыла кошелек. Две тысячи рублей наличными и моя зарплатная карта, на которой оставалось тысяч пять до аванса. Я ехала в такси, счетчик которого тикал, пожирая мои последние крохи независимости, и понимала: меня только что не просто выгнали, меня попытались уничтожить. Обнулить. Сделать никем.

— Конечная, девушка! — буркнул таксист, паркуясь у знакомой сталинки с облупившейся штукатуркой.

Я расплатилась, оставив водителю сдачу — привычка быть вежливой умирала последней, — и вышла под моросящий дождь.

Квартира Любы была полной противоположностью моему стерильному, выверенному до миллиметра дому. Здесь всегда пахло сандаловыми палочками, сушеными травами и

кошачьим кормом. В прихожей, куда я ввалилась мокрая и злая, меня встретил Любин кот — огромный, черный, с разорванным ухом и кличкой Люцифер. Он посмотрел на меня с тем же выражением, с каким смотрела Эльмира Камильевна: «Чего приперлась?».

— Господи, Милка! — Люба выскочила из кухни в безразмерной футболке с надписью «Ведьмы не стареют». Ее рыжие волосы торчали во все стороны, а на лице была зеленая глиняная маска, которая начала трескаться от ее удивленной гримасы.

Она не стала задавать глупых вопросов. Один взгляд на мои трясущиеся руки, на бутылку вина, которую я прижимала к груди как младенца, и на абсолютно пустые глаза сказал ей всё.

— К черту чай, — скомандовала она, затаскивая меня внутрь и пинком отодвигая с прохода чьи-то кроссовки. — Тут нужна тяжелая артиллерия.

Через пять минут мы сидели на ее крошечной кухне. На столе, заваленном картами Таро, глянцевыми журналами и немытыми чашками, стояла початая бутылка армянского коньяка. Люба разлила янтарную жидкость по пузатым бокалам.

— Пей, — приказала она. — Залпом.

Я послушно опрокинула содержимое в себя. Жидкость обожгла горло, но тепло, разлившееся в желудке, немного уняло дрожь.

— Рассказывай, — Люба села напротив, подперев щеку кулаком. — Только не говори, что ты снова нашла у него переписку с «Одноклассниками» и решила уйти к маме.

— Я нашла у него в постели Эльмиру, — выдохнула я. Слова давались с трудом, словно я выплевывала битое стекло. — И сварила их.

Любины глаза расширились, глина на лбу пошла трещинами.

— В смысле... сварила?

— Лапшой. Домашней. Прямо с плиты.

Я рассказала всё. Про сапфиры, которые оказались не мне. Про «комиссию» в спальне. Про то, как Андрей назвал меня «мебелью» и «старой привычкой». Я говорила сухо, без слез, словно зачитывала технологическую карту бракованной партии хлеба.

Когда я закончила, Люба молчала целую минуту. Только Люцифер громко хрустел кормом в углу.

— Знаешь, — наконец произнесла подруга, наливая нам по второй, — я всегда говорила, что ты святая. Но лапша... Мила, это гениально! Это лучший перформанс года! Я бы отдала полжизни, чтобы видеть рожу этой фифы Эльмиры, когда на нее прилетел горячий "Макфу".

— Не "Макфу", — машинально поправила я. — Крафтовая, на желтках.

Люба расхохоталась. Громко, заразительно, до слез. И, глядя на нее, я вдруг почувствовала, как внутри лопаются ту-

гая пружина. Я тоже засмеялась. Это был странный, лающий смех, переходящий в всхлипы.

— Он заблокировал карты, Люб, — сказала я, когда истерика отступила. — Я голая. У меня ничего нет. В пятьдесят лет я бомж.

— Ты не бомж, ты свободная женщина, — отрезала Люба, стукнув бокалом по столу. — И ты не потеряла мужа, Мила. Ты избавилась от раковой опухоли. Да, операция прошла кроваво, но пациент будет жить. А деньги... заработаем. Ты лучший технолог в городе. Тебя любой завод с руками оторвет. Перекантуешься у меня, пока не встанешь на ноги.

Я кивнула, благодарно сжав ее руку. Потом встала и подошла к зеркалу, висевшему у входа. Из стекла на меня смотрела незнакомка. Тушь размазалась черными кругами, волосы растрепались от влажности, в уголках губ залегли горькие складки. «Кому она нужна с таким багажом?» — прозвучал в голове голос Андрея.

Мне нужно было что-то сделать. Срочно. Прямо сейчас. Руки чесались от бездействия. Я не могла просто сидеть и пить коньяк, пока моя жизнь летела под откос. Мне нужно было вернуть хоть какой-то контроль над реальностью. Хоть над чем-то.

Я вернулась на кухню. Мой взгляд, наметанный на поиск неполадок на производстве, зацепился за раковину.

Кап. Кап. Кап.

Старый советский смеситель, помнивший еще Брежнева,

методично ронял тяжелые капли в эмалированную миску, стоящую в раковине. Звук был тихим, но в наступившей тишине он бил по нервам, как китайская пытка водой.

— Люб, у тебя кран течет, — сказала я, подходя к мойке.

— Ой, да он уже неделю капает, — махнула рукой подруга, доставая сигареты. — Всё руки не доходят вызвать кого-то. Я миску подставляю, утром выливаю. Не обращай внимания.

Не обращать внимания? Это капанье было символом всего, что происходило сейчас. Утечка. Разрушение. Хаос, который нужно упорядочить.

— Так нельзя, — пробормотала я, закатывая рукава кардигана. — Это же счетчик мотает. Дай-ка я посмотрю.

— Мила, сядь! — возмутилась Люба. — Ты только что от мужа ушла, какой кран?

Но я уже не слушала. Во мне проснулся профессионал, который привык, что любой механизм должен работать исправно. Я взялась за вентиль холодной воды. Он был скользким, покрытым известковым налетом.

— Тут просто прокладка, наверное, отошла, — пробормотала я, пытаясь закрутить его потуже, чтобы прекратить это сводящее с ума кап-кап. — Надо просто подтянуть...

Я надавила сильнее. Еще чуть-чуть. Чтобы стало тихо. Чтобы стало идеально.

Металл скрипнул.

А в следующую секунду раздался звук, похожий на вы-

стрел.

Вентиль остался у меня в руке.

Из открывшегося жерла трубы с яростным ревом вырвалась ледяная струя воды. Она ударила не вниз, в раковину, а под углом — прямо мне в грудь, в лицо, в потолок.

— Твою мать! — взвизгнула Люба, вскакивая со стула.

Я задохнулась от ледяного шока. Вода была везде. Она мгновенно намочила мой кардиган, залила столешницу с картами Таро, брызнула на ошалевшего Люцифера, который с диким мявом взлетел на холодильник, опрокинув банку с крупой.

— Перекрой! Перекрой его! — орала я, пытаюсь ладонью заткнуть фонтан, но напор был таким сильным, что воду лишь разбрызгивало веером по всей кухне.

— Где?! — Люба металась по кухне, поскальзываясь на мокром линолеуме. — Я не знаю, где он перекрывается!

— Под раковиной! Вентиль на стояке!

Я рухнула на колени, распахивая дверцу под мойкой. Там было темно, пахло сыростью и старым мусорным ведром. Вода хлестала мне на спину, заливала джинсы, превращая кухню в бассейн. Я нащупала ржавый вентиль на трубе. Вцепилась в него обеими руками, пытаюсь провернуть.

Он не поддавался. Прикипел намертво. Словно издевался надо мной.

— Крутись, гад! — рычала я, сдирая кожу на ладонях. — Ну же!

Ничего. Вода продолжала реветь, заливая пол. Уровень воды поднимался с пугающей скоростью. Я слышала, как Люба гремит ведрами и тазами, пытаюсь спасти соседей снизу от потопа.

И тут меня накрыло.

Я отпустила бесполезный вентиль. Прислонилась мокрой спиной к стенке шкафчика, сидя прямо в луже ледяной воды. И разрыдалась.

Не потому, что мы топили соседей. Не потому, что мне было холодно. А потому, что этот чертов кран был последней каплей. Моя жизнь была этим краном. Я пыталась закрутить, удержать, исправить, приложить усилия, чтобы было «правильно», а в итоге осталась с оторванным куском железа в руках, мокрая, жалкая и никому не нужная.

— Милка! — Люба бросила на пол ворох полотенец, создавая дамбу у порога. Она увидела меня, сидящую под раковиной, сотрясающуюся от рыданий, и поняла, что сейчас не время для шуток.

Она схватила телефон. Ее пальцы, мокрые и дрожащие, тыкали в экран.

— Алло! — заорала она в трубку так, что перекрыла шум воды. — Фирма «Молоток»? Девушка, у нас тут «Титаник»! Мы тонем! Сорвало кран на кухне к чертям собачьим!

Я слышала ее голос как сквозь вату. Я смотрела на свои руки — красные, с обломанным ногтем, мокрые от воды, смешанной со слезами. Руки технолога, который не смог по-

чинить собственную жизнь.

— Да плевать мне на тариф! — бушевала Люба. — Двойной, тройной, хоть золотой! Присылайте мастера немедленно! И пусть у него руки растут из плеч, а не из... да! Адрес пишите!

Она бросила телефон на стол и кинулась ко мне, пытаясь поднять с пола.

— Вставай, родная, вставай. Сейчас приедут. Сейчас всё починят.

— Ничего не починят, Люб, — прошептала я, стуча зубами от холода. — Там резьбу сорвало. Там всё прогнило.

— Кран заменят, — жестко сказала подруга, вытирая мне лицо кухонным полотенцем. — И трубы заменят. А мужика твоего... мы тоже заменим. Вставай, говорю. Не хватало еще пневмонию подхватить перед новой жизнью.

Я кое-как поднялась. Вода хлупала в ботинках. С волос текло. Я была похожа на мокрую курицу, на ту самую «клушу», о которой говорил Андрей.

Диспетчер пообещал, что мастер будет через двадцать минут. Я стояла посреди кухни, держа в руках тазик, в который с веселым звоном била вода, и думала, что хуже этого момента уже быть не может. Я достигла дна. Абсолютного, ледяного дна.

Я не знала, что через двадцать минут в эту дверь позвонит человек, который заставит меня благодарить судьбу за этот чертов сломанный кран.

Глава 3(Ильшат)

(от лица Ильшата)

Дождь барабанил по крыше моего «Ленд Крузера» с настойчивостью кредитора. Я сидел в салоне, пахнущем дорогой кожей и остывшим кофе, и смотрел, как дворники размазывают по стеклу огни вечерней Казани.

Тридцать второй этаж. Два часа переговоров. Три инвестора, которые пытались убедить меня сэкономить на фундаменте жилого комплекса. Я выиграл этот бой, как выигрывал всегда, но вкус победы сегодня отдавал пеплом.

Я потер виски. В пятьдесят два года ты начинаешь понимать, что успех — это не только цифры на счетах и уважительные кивки подчиненных. Это еще и звенящая тишина в пентхаусе площадью двести квадратов, куда тебе совершенно не хочется возвращаться.

Там, дома, меня ждал идеальный порядок, который навела домработница, коллекция винила, которую некогда слушать, и пустота. Холодная, стерильная пустота одинокого мужчины, который слишком много времени потратил на то, чтобы построить карьеру, и забыл построить семью.

Телефон на соседнем сиденье ожил, высветив на экране имя: «Ринат».

Я усмехнулся. Мой младший брат. Моя вечная головная боль и единственный родной человек, оставшийся на этом

свете. Я воспитал его сам после смерти родителей, когда мне было двадцать два, а ему двенадцать. Я вложил в него душу, оплачивал учебу, вытаскивал из передряг. Но Ринат был из тех людей, которые умудряются найти приключения даже в пустой комнате.

— Слушаю, — ответил я, включая громкую связь.

— Ильшат! Брат! Ты где? Ты в городе? — голос Рината звенел от паники.

— В центре. Еду домой. Что случилось? Опять кредит?

— Хуже! — взвыл брат. — Спина! Проклятый радикулит, Ильшат! Я нагнулся за чемоданом с инструментами и всё... Меня заклинило! Я разогнуться не могу, лежу в машине буквой «зю»!

Я вздохнул, барабанил пальцами по рулю.

— Адрес говори. Вызову тебе скорую и эвакуатор.

— Какую скорую?! У меня заказ горит! — Ринат почти плакал. — «Молоток» мне голову оторвет! Это vip-вызов, двойной тариф за срочность. Тетка какая-то истеричная звонила, сказала, у них там потоп вселенского масштаба. Если я не приеду через десять минут, они накатают жалобу, и меня уволят! А у меня ипотека, Ильшат! У меня Алинка на танцы

ходит!

Я закрыл глаза. Ринат работал в службе «Муж на час» уже полгода, и это было его самое долгое место работы.

— Ринат, отмени заказ. Я переведу тебе деньги за штраф.

— Нельзя отменять! Там рейтинг рухнет! Ильшат, умоляю! Ты же рядом! Ты же умеешь! Помнишь, как мы с тобой в девяностые шабашили? Ты же меня учил гаечный ключ держать!

Я посмотрел на свои руки. Ухоженные, с аккуратным маникюром, привыкшие держать роллер «Паркер» и листать чертежи на планшете. Гаечный ключ я не держал лет двадцать.

— Ты предлагаешь мне, владельцу архитектурного бюро, поехать крутить гайки вместо тебя?

— Ну пожалуйста! Там работы на пять минут! Прокладку сменить или буксу. Спаси меня, брат! В последний раз!

Я хотел послать его. Жестко, по-отцовски, как делал это сотни раз. Сказать, что каждый должен нести ответственность за свои косяки.

Но я посмотрел в окно. На серую, унылую морось. Представил свой пустой, холодный пентхаус. И внезапно почувствовал дикое, иррациональное желание сбежать. Сбежать

из своей «золотой клетки», сбросить этот чертов пиджак от «Бриони», который душил меня весь день, и сделать что-то простое. Понятное. Мужское.

Починить кран. Остановить воду. Быть полезным здесь и сейчас, а не через три года, когда сдадут объект.

— Куда ехать за твоей робой? — спросил я, разворачивая машину через две сплошные.

Через пятнадцать минут я уже парковал свой внедорожник в темном, заросшем кустами дворе старой «сталинки». Место было атмосферное: облупившаяся лепнина, высокие тополя и запах сырости.

Я переодевался прямо в машине брата, который, скрючившись на заднем сиденье своей «Лады», стонал и сыпал благодарностями.

— Ты мой спаситель, Ильшат! Век не забуду! Инструменты в багажнике, там всё есть.

Я снял пиджак, аккуратно сложил его. Стянул галстук. Снял швейцарские часы — слишком приметная деталь для сантехника из «Молотка» — и сунул их в бардачок. Натянул синюю рабочую куртку с логотипом фирмы. Она пахла дешевым табаком, машинным маслом и потом.

Странно, но этот запах не вызвал отвращения. Наоборот. Он пах юностью. Временем, когда я был беден, голоден, но полон надежд.

— Номер квартиры тридцать два, — прохрипел Ринат. — Заказчица Любовь. Сказала, у них там Ниагара.

Я подхватил тяжелый ящик с инструментами. Знакомая тяжесть приятно оттянула руку.

— Лежи тут. Вернусь — повезу тебя в клинику.

Я вышел под дождь. Холодные капли ударили в лицо, бодря лучше любого эспresso. Я шел к подъезду, чувствуя себя шпионом под прикрытием. Архитектор, играющий в сантехника. Абсурд. Но этот абсурд заставлял кровь бежать быстрее.

Лифт в доме не работал — кто бы сомневался. Я поднялся на третий этаж пешком, перешагивая через ступеньки. Из-за двери тридцать второй квартиры доносился шум, похожий на горный водопад, и женские голоса, переходящие на ультразвук.

Я нажал на звонок.

Дверь распахнулась мгновенно, словно меня ждали с ружьем наперевес.

На пороге стояла женщина лет сорока пяти, рыжая, в какой-то безумной футболке и с остатками зеленой маски на лице. Она выглядела как валькирия после битвы.

— Ну наконец-то! — рявкнула она вместо приветствия. — Мы тут уже ковчег строим! Заходите, только разувайтесь быстрее!

Я шагнул внутрь, стараясь не наступить в лужу, которая уже подбиралась к порогу. В квартире пахло не канализацией, как я боялся, а чем-то странным — смесью дорогих духов, корвалола и сырости.

— Где прорыв? — спросил я, стараясь сделать голос по-проще.

— На кухне! Там ад! — махнула рукой «валькирия» и пошлепала босыми ногами по мокрому коридору.

Я прошел следом. И замер.

Кухня напоминала сцену из фильма-катастрофы. Вода била из трубы под раковиной мощной, упругой струей, заливая потолок, стены и пол. Посреди этого хаоса, на коленях, пытаясь тряпкой заткнуть фонтан, сидела женщина.

Я видел только ее спину — узкую, сгорбленную, в мокром насквозь кардигане, который облепил фигуру. Ее плечи тряслись. Она плакала? Или просто замерзла?

— Мила! Мастер пришел! — крикнула хозяйка.

Женщина на полу обернулась.

И в этот момент время для меня споткнулось.

Она повернулась. Мокрая прядь волос прилипла к щеке, под глазами растеклись черные круги от туши, делая её похожей на грустного мима. Вода хлестала ей в лицо, по дорожному, но безнадежно испорченному кардигану, по джинсам, превратившимся в темные тряпки.

Обычно в моем кругу женщины выглядят иначе. Они пахнут «Шанелью», носят бриллианты и улыбаются одними гу-

бами, пока их глаза сканируют твой бумажник. Эта женщина сидела в луже грязной воды, обнимая ржавую трубу, и выглядела... настоящей.

В её взгляде не было той истерики, которую я ожидал. Там была такая бездонная, черная тоска пополам с яростным упрямством, что меня пробило током.

Я замер на пороге. Мне показалось, или я уже видел этот разрез глаз? Чуть приподнятые уголки, радужка странного, глубокого оттенка, в котором мешались усталость и затаенная гордость. Где? Когда? Мозг тщетно пытался вытащить нужный файл из огромного архива памяти, но ситуация совершенно не располагала к медитации.

Вода продолжала хлестать, грозя затопить не только этот этаж, но и половину дома.

Я сбросил оцепенение. Шагнул прямо в ледяную лужу, тяжелый ящик с инструментами с металлическим лязгом опустился на сухой островок у плиты.

— Спокойно, дамы. Отбой паники. Сейчас всё перекро-ем, — мой голос прозвучал, пожалуй, слишком властно для рядового слесаря из фирмы «Молоток», но двадцатилетняя привычка руководить строительными объектами брала свое.

Я подошел к раковине. Женщина — рыжая хозяйка назвала её Милой — даже не шелохнулась, продолжая судорожно, почти отчаянно прижимать ладони к сорванной резьбе, словно пыталась остановить стихию голыми руками. Её пальцы побелели от напряжения.

Я мягко, но непреерекаемо перехватил её за запястья. Ледяная кожа. Тонкие кости.

— Пустите, — сказал я тихо, глядя прямо в её расширенные, испуганные зрачки. — Вы сделали всё, что могли. Теперь моя очередь.

Она судорожно выдохнула и разжала пальцы. Я помог ей подняться, едва заметно придерживая за локоть, чтобы она не поскользнулась на мыльном линолеуме. От нее пахло дождем, мокрой шерстью кардигана и едва уловимо — терпким вином и ванилью. Этот странный, уютный женский запах пробивался даже сквозь стойкий дух водопроводной воды и старых труб, заставляя ноздри невольно расширяться.

Я скинул рабочую куртку Рината, бросив её на табуретку. Оставшись в тонкой темной водолазке, которая мгновенно намокла и облепила плечи, я нырнул под раковину.

Дело было дрянь. Коренной вентиль прикипел насмерть, резьба на сгоне сорвана. Мой непутевый брат Ринат возился бы здесь минимум час, чертыхаясь, сбивая костяшки в кровь и проклиная советский жилфонд. Я на ощупь выудил из ящика мощный газовый ключ.

— Посветите мне, пожалуйста, — попросил я, не оборачиваясь. — Телефон есть?

Луч от фонарика смартфона резко выхватил ржавое нутро тумбы. Я чуть повернул голову. Мила сидела на корточках совсем рядом, направляя свет точно на трубу. Её рука, сжимающая телефон, мелко дрожала то ли от холода, то ли

от пережитого стресса.

— Чуть правее, если можно. И держите ровнее, — командовал я, зажимая гайку.

Она послушно придвинулась. Нас разделяли жалкие сантиметры. Я чувствовал тепло её тела, контрастирующее с ледяными брызгами. Перехватил ключ поудобнее, мышцы спины и рук напряглись до предела. Советский металл скрипнул, заскрежетал, сопротивляясь чужаку, но поддался под мужским напором. Пол-оборота. Еще четверть.

Рев воды начал стихать, превратившись в жалкое бульканье, а затем и вовсе иссяк.

Я выдохнул, утирая мокрый лоб тыльной стороной ладони.

— Возьмите телефон... мне неудобно светить с этой стороны, — её голос дрогнул, когда она протянула мне светящийся аппарат.

Я потянулся за ним. Мои пальцы случайно, вскользь, накрыли её ладонь.

Искра.

Это не было статическое электричество или замыкание старой проводки в затопленной кухне. Это был абсолютно физиологический, первобытный разряд, от которого волоски на предплечьях встали дыбом, а в груди на секунду перехватило дыхание.

Я замер. Она тоже не отдернула руку. Секунда, две. Мы сидели на мокром полу, в тесноте чужой захламленной кух-

ни, и смотрели друг на друга в неверном свете телефонного фонарика.

И снова этот взгляд. Вблизи я разглядел мелкие, золотистые крапинки в её радужке. Этот упрямый наклон головы. Чуть поджатые губы, в которых читалась застарелая обида, но не было ни грамма покорности.

Я никогда раньше не встречал эту женщину. Моя память на лица — профессиональная, фотографическая, я бы точно запомнил. Но почему тогда внутри всё сжалось с такой силой? Словно я всю жизнь строил идеальные, но холодные дома, а сейчас внезапно нашел место, куда хочется вернуться. Почему её взгляд, упрямый и побитый, цепляет так глубоко, выбивая из меня весь мой столичный лоск?

Она наконец отвела взгляд и первая убрала руку, нервно поправляя мокрую прядь, прилипшую к щеке.

— Спасибо, — выдохнула она одними губами. — Я думала, мы утонем.

— Пока я здесь, никто не утонет, — произнес я. Фраза вырвалась сама собой, и в ней прозвучало гораздо больше обещания, чем требовал статус вызванного сантехника.

Я выбрался из-под раковины, поднялся во весь свой рост, расправляя затекшие плечи. В квартире воцарилась звенящая тишина, прерываемая только тихим стуком капель, падающих с потолка в подставленный пластиковый таз.

Рыжая хозяйка возилась в коридоре с ворохом полотенец, что-то экспрессивно бормоча под нос про карму и управля-

ющую компанию. Мы с Милой остались на кухне вдвоем.

Я смотрел на неё сверху вниз. Взрослая, растерянная, с размазанной тушью, невероятно красивая в своей пронзительной уязвимости женщина. Моя командировка в чужую шкуру, мой маленький побег на час должны были закончиться прямо сейчас. Я перекрыл воду. Дальше — дело сантехников из ЖЭКа. Я должен был собрать инструменты, взять мятые купюры, сесть в свой внедорожник и уехать в свой идеальный, тихий, стерильный мир.

...Я стоял посреди лужи, сжимая в руке тяжелый разводной ключ, слушал её прерывистое дыхание и с пугающей, кристальной ясностью понимал: я никуда не хочу уходить.

— Так, подруга! — голос рыжей хозяйки ворвался в нашу странную тишину, разрушая момент. Люба решительно вклинилась между нами. — А ну марш в ванную! Ты же си- няя вся! Халат на крючке, полотенца на полке. Живо!

Мила вздрогнула, словно очнувшись, и, плотнее запахнув мокрый кардиган, покорно побрела к выходу. Я провожал её взглядом — хрупкую, ссутулившуюся фигуру в испорченной одежде — пока дверь ванной не щелкнула за её спиной.

— А вы, товарищ спаситель... Ринат, кажется? — хозяйка повернулась ко мне, воинственно уперев руки в бока, но в её глазах уже плескалась благодарность. — Даже не думайте сбегать. Чай будете? Горячий, с чабрецом. Или что покрепче? Вы нас реально от катастрофы спасли, я вас так просто не выпущу.

Я усмехнулся. В любой другой день я бы вежливо отказался, сославшись на занятость, сел бы в свой джип и уехал в стерильный офис. Но сегодня... Сегодня я не хотел возвращаться в пустоту. Мне нужно было еще раз увидеть эти глаза.

— Чай, — просто ответил я, опуская тяжелый газовый ключ в ящик. — От чая не откажусь.

Кажется, «муж на час» собирался задержаться.

Глава 4

Луч от телефонного фонарика дрогнул в моей руке, выхватив из полумрака мокрый, блестящий от воды металл. Звук хлещущей воды окончательно стих, сменившись тяжелым, силным дыханием старых труб.

— Так, подруга! — голос Любы ворвался в нашу странную тишину, разрушая момент. — А ну марш в ванную! Ты же синяя вся! Халат на крючке, полотенца на полке. Живо!

Я вздрогнула, словно очнувшись от гипноза. Тело была крупная дрожь — адреналин схлынул, оставив после себя ледяной холод. Плотнее запахнув мокрый кардиган, я покорно побрела к выходу, чувствуя спиной внимательный, тяжелый взгляд мужчины, сидящего у трубы.

В ванной я действовала на автопилоте. Стянула тяжелые, пропитанные водой джинсы, растерла онемевшую кожу жестким полотенцем до красноты. Горячей воды не было — стояк перекрыт, — поэтому согреться под душем не удалось. Я завернулась в Любин запасной халат — огромный, пушистый, нелепого персикового цвета, в котором утонула, как в облаке.

В зеркале отражалась незнакомка. Бледная, с темными кругами под глазами, с мокрыми прядями, прилипшими к лицу. «Вот так выглядит женщина, чью жизнь сегодня спустили в унитаз», — подумала я без эмоций.

Когда я вернулась на кухню, там уже горел свет — Люба притащила торшер из гостиной. Обстановка изменилась: вода была собрана тряпками, а на столе дымились чашки.

Наш спаситель сидел на табуретке, вытянув длинные ноги в грязных ботинках. Он уже снял рабочую куртку, оставшись в темно-синей водолазке, которая обрисовывала широкие, крепкие плечи.

— Садись, страдальца, — скомандовала Люба, пододвигая мне чашку. — Мастер говорит, жить будем. Заглушку поставил.

Я опустилась на стул напротив него. И впервые посмотрела на него при нормальном свете.

Он был старше, чем показалось в полутьме. На висках се-ребрилась благородная проседь, вокруг глаз залегли тонкие лучики морщин. Но это было лицо не уставшего работника, а человека, привыкшего к... я не могла подобрать слово. К ответственности?

Он поднял на меня глаза.

И в этот момент моя рука с чашкой замерла на полпути ко рту.

Золотисто-карие. С характерным, чуть ироничным прищуром и едва заметным изломом левой брови. Меня словно током ударило. Внутри всё сжалось, сердце пропустило удар.

Я знала этот взгляд. Я видела его тысячи раз.

Точно так же на меня смотрел мой сын Никита, когда решал сложную задачу по черчению или спорил со мной о вы-

боре вуза. Тот же редкий оттенок радужки — как гречишный мед на солнце. Та же посадка глаз.

«Нет. Бред», — одернула я себя, чувствуя, как кружится голова. — «Милана, у тебя просто истерика. Тебе везде мерещится родное, потому что твой муж стал чужим. Это просто совпадение. Типаж такой».

— Спасибо вам, — выдавила я, стараясь не пялиться. Голос прозвучал хрипло. — Если бы не вы...

— Работа такая, — он пожал плечами. Жест был скупым, сдержанным.

Он пил чай странно. Андрей, мой муж, всегда дул на кипяток, громко прихлебывал, стучал ложкой. Этот мужчина пил абсолютно бесшумно, держа простую икеевскую кружку так, словно это был фарфор династии Мин. Его ногти, несмотря на следы мазута на пальцах, были аккуратно подстрижены, кутикула ровная.

Диссонанс. Картинка не складывалась. Сантехник с осанкой офицера и руками пианиста.

— Сколько мы должны? — Люба, как всегда, перешла к делу, доставая кошелек. — Диспетчер назвал сумму, но я обещала двойной тариф за ночной потоп.

Она положила на стол несколько крупных купюр.

Мужчина поставил кружку. Посмотрел на деньги, потом на Любу. Уголок его губ дрогнул в едва заметной усмешке. Он аккуратно, двумя пальцами, отодвинул лишние купюры обратно к подруге.

— Возьму по прайсу, — его голос был низким, спокойным. Бархатным. — За купание доплаты не беру. Считайте, бонус от фирмы.

Он встал. В тесной кухне он казался огромным, занимая собой всё пространство. Застегнул куртку с логотипом «Молоток», скрывая свою странную статью под грубой робой.

— Если потечет снова, звоните в контору, — он похлопал по карманам и достал мятую, самую обычную визитку. Бросил её на стол. — Скажите, чтобы прислали Рината. Я знаю, что тут за система, другой может не разобраться.

— Ринат... — повторила я эхом. Имя было обычным, но почему-то совсем ему не подходило.

— Да, — он коротко кивнул мне, задержав взгляд на секунду дольше положенного.

И снова этот укол в сердце. Ощущение, что он смотрит не на меня, а сквозь меня, в самую душу. Так смотрят старые знакомые, которые знают про тебя какую-то тайну. Но мы не были знакомы. Я бы запомнила.

— До свидания, дамы.

Он подхватил ящик с инструментами и вышел. Щелкнул замок.

В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь редким кап-кап в тазик.

— Ну и мужик! — выдохнула Люба, веером обмахиваясь деньгами, которые он не взял. — Ты видела? «Бонус от фирмы»! Прямо граф Монте-Кристо с разводным ключом. Я бы

такому и кран дала починить, и... кхм, ладно.

— У него глаза... — прошептала я, глядя на визитку. Дешевый картон, стандартный шрифт: «Служба быта "Молоток". Мастер на все руки». Никаких личных номеров, никакой романтики.

— Что глаза? Карие? — Люба пожала плечами. — Красивые, не спорю. Иди спать, Мил. Ты на ногах не стоишь. Утро вечера мудренее.

Спать я не могла.

Я лежала на диване в гостиной Любы, укрывшись колючим пледом, и слушала шум дождя за окном. Тело ныло от усталости, но мозг, перевозбужденный событиями дня, отказывался отключаться.

Перед глазами стояла картина: Андрей в постели с Эльмирой. Боль, унижение, ярость. Но стоило мне закрыть глаза, как эта картинка сменялась другой.

Полумрак кухни. Луч фонарика. И золотисто-карие глаза напротив.

Я ворочалась с боку на бок. Включала телефон, открывала галерею. Нашла фото Никиты, сделанное месяц назад. Приблизил.

Тот же разрез. Та же линия нижнего века.

«Это паранойя, — убеждала я себя. — В Казани миллион кареглазых мужчин. У меня просто стресс. Я ищу защиту, и подсознание подсовывает мне образ сына в чертах случай-

ного прохожего. Забудь. Его зовут Ринат, он сантехник, он ушел и забыл о тебе через пять минут».

Но забыть не получалось.

Весь следующий день прошел как в тумане. Мне пришлось ехать на завод, писать заявление на отгул (сказала, что заболела, видеть никого не могла), потом — в банк, пытаюсь разблокировать хоть какие-то средства. Андрей не звонил. Видимо, отмывал квартиру и зализывал раны. Я чувствовала себя канатоходцем, который идет над пропастью без страховки.

И всё это время, пока я сидела в очередях или варила кофе на кухне Любы, меня преследовало это лицо. Этот взгляд.

Прошел еще день. Третий день моей новой, разрушенной жизни.

Вечером мы с Любой сидели на кухне. Кран, заткнутый заглушкой, молчал. Воду мы брали из ванной, таская ведрами.

— Люб, — начала я, крутя в руках ту самую визитку. Картон уже истрепался от моих прикосновений.

— М? — подруга мешала салат, пританцовывая под радио.

— Тот мастер... Ринат. Тебе не показалось, что он... странный?

— Странный тем, что денег не взял и не вонял перегаром? — хмыкнула Люба. — Это сейчас редкость, согласна.

— Нет. Внешне. — Я глубоко вздохнула, решаясь. — По-

нимаешь... у него глаза точь-в-точь как у Никиты. Моего сына. Прямо один в один.

Люба перестала резать огурец. Обернулась, посмотрела на меня внимательно, потом подошла и приложила ладонь к моему лбу.

— Температуры нет, — констатировала она. — Мила, ты себя накручиваешь. У Никиты глаза Андрея... хотя нет, у Андрея они водянистые какие-то, рыбы. А у Никиты яркие. Но мало ли людей с похожими глазами? Это генетика, детка. Совпадение.

— Слишком сильное совпадение, — упрямо сказала я. — И то, как он смотрел...

— А вот тут ты права, — Люба хитро прищурилась, садясь напротив. — Смотрел он на тебя так, будто хотел не кран починить, а на руках унести. Я еще подумала: «Ого, искра пошла!». Мужик явно запал. Но, Мила, не ищи мистику там, где ее нет. Ты просто красивая баба в беде, он нормальный мужик. Вот и всё.

— Я должна проверить, — выпалила я. Эта мысль зрела во мне двое суток.

— Что проверить? ДНК-тест у сантехника взять? — рассмеелась Люба.

— Нет. Просто увидеть еще раз. Без стресса, без истерики. Посмотреть спокойно. Вдруг мне правда показалось? Вдруг при свете дня он совсем другой? Мне нужно закрыть этот гештальт, иначе я с ума сойду. Мне кажется, я его знаю, Люб!

Это чувство... оно не отпускает.

Люба вздохнула, покачала головой, но потом ее глаза загорелись авантюризмом.

— Ладно. Гештальт так гештальт. Повод есть — мы уже три дня без воды на кухне, посуду мыть в ванной я задолбалась. Заглушка — это временная мера, он сам сказал: вызывайте менять узел.

Она потянулась к телефону, лежащему на столе.

— Звоним?

— Звони, — кивнула я, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться где-то в горле.

Люба набрала номер с визитки, включила громкую связь. Гудки шли долго, тягуче.

— Алло, фирма «Молоток», — ответил усталый женский голос диспетчера.

— Добрый вечер! — бодро начала Люба. — Это с улицы Восстания, 32. У нас тут... кхм, опять проблемы с трубой. Нам бы мастера вызвать. Но только того же самого, который в прошлый раз был. Он сказал, он в курсе ситуации. Ринат его зовут.

Я затаила дыхание, впившись взглядом в динамик телефона.

— Рината? — переспросила диспетчер, шурша бумагами. — Сейчас посмотрю график... Так. А Ринат у нас сегодня на выходном. И завтра тоже.

Мое сердце упало.

— Но, — продолжила диспетчер, — у меня помечено, что он брал ваш адрес как срочный. Подождите... Да, он может выйти. Заявку оформляем?

Люба подмигнула мне.

— Оформляем! Конечно! Мы ждем.

Она сбросила вызов.

— Ну вот, — довольная собой, сказала подруга. — Завтра придет твой «призрак с глазами сына». Посмотришь, убедишься, что это обычный дядька с похмелья, и успокоишься. Идет?

— Идет, — тихо ответила я.

Но успокоения не было. Наоборот, внутри нарастало предчувствие чего-то неотвратимого. Я снова посмотрела на фото Никиты, потом на пустое место за столом, где три дня назад сидел этот загадочный Ринат.

Завтра. Завтра я узнаю правду. Или пойму, что окончательно спятила.

Глава 5

Утро началось не с солнечных лучей, а с запаха дрожжей. Это был мой личный способ медитации, единственный доступный антидепрессант, который не требовал рецепта врача. Когда жизнь рушится, а земля уходит из-под ног, руки должны быть заняты делом. Желательно — тестом.

Люба убежала на работу еще в семь, оставив меня полноправной хозяйкой своей кухни, лишенной водоснабжения.

— Смотри, не укради его, если он окажется настоящим принцем, — подмигнула она на прощание, натягивая сапоги. — А если окажется обычным мужиком — гони в шею, как починит. Нам драмы и с твоим Андреем хватает.

Я лишь слабо улыбнулась.

На столе, присыпанном мукой, поднимались пышные, сдобные улитки с корицей. Я нашла в Любиных запасах пакетик специй, немного сахара и остатки сливочного масла. Простые продукты, ничего изысканного, но магия выпечки работала безотказно. Квартира наполнялась теплым, густым ароматом дома, которого у меня больше не было.

Я поймала свое отражение в стекле духовки. На мне была Любина нарядная блузка цвета пыльной розы — моя одежда всё еще сохла после вчерашней стирки в тазу. Я зачем-то подкрасила ресницы. Совсем чуть-чуть, просто чтобы глаза не казались такими воспаленными и уставшими. Прическа-

лась, уложив волосы феном, а не собрав их в привычный домашний пучок.

«Кого ты хочешь обмануть, Милана? — едко спросил внутренний голос. — Тебе пятьдесят лет. Твой муж выгнал тебя из дома, счета заблокированы, будущее туманно, как утро в Лондоне. А ты стоишь тут, на чужой кухне, и прихорашиваешься для сантехника, потому что тебе померещились знакомые глаза?»

Это было глупо. Унизительно. Но надежда — иррациональное чувство. Она жила где-то в солнечном сплетении, заставляя сердце пропускать удары каждый раз, когда лифт в подъезде гудел, останавливаясь на нашем этаже.

Мне нужно было увидеть его. Просто чтобы убедиться: мне показалось. Увидеть обычного мужчину при дневном свете, разглядеть поры на коже, услышать грубый говор, увидеть отсутствие той странной стати — и выдохнуть. Сказать себе: «Ты обозналась, Мила. У него нет глаз Никиты. Это всё нервы».

Таймер духовки звякнул. Я достала противень, и кухню накрыло облаком горячей корицы и ванили.

И ровно в этот момент в дверь позвонили.

Звук был резким, требовательным. Я вздрогнула, едва не выронив прихватку. Сердце тут же прыгнуло куда-то к горлу, заколотилось о ребра, как пойманная птица.

— Спокойно, — прошептала я сама себе, вытирая влажные ладони о полотенце. — Это просто мастер. Просто Ри-

нат.

Я пошла в коридор. Ноги казались ватными. Зачем я так волнуюсь? Это же абсурд. Но пальцы дрожали, когда я поворачивала замок.

Я распахнула дверь, набрав в грудь воздуха и натянув на лицо вежливую, чуть отстраненную улыбку.

— Добрый день, проходите...

Слова застряли в гортани. Улыбка сползла, сменившись растерянностью.

На пороге стоял мужчина в синей спецовке с логотипом фирмы «Молоток». У него в руках был точно такой же пластиковый ящик с инструментами, как и в прошлый раз.

Но это был не он.

Передо мной стоял коренастый, плотный мужчина лет сорока пяти. Лицо простое, широкое, с добродушной улыбкой, открывающей ряд крепких, но желтоватых от табака зубов. Никакой благородной проседи. Никакой стати офицера. Волосы русые, коротко стриженные под машинку, на щеках — легкая щетина, но не та стильная небрежность, что была у него, а просто результат лени побриться с утра.

А главное — глаза.

Они были карими. Самыми обычными, немного водянистыми, с красноватыми прожилками на белках. В них не было ни золотого свечения, ни того пронзительного, умного прищура, который заставил меня потерять покой на трое суток. В них было только простое человеческое любопытство

и желание поскорее закончить работу.

Это был чужой человек. Абсолютно чужой.

— Здравсьте, хозяйка! — гаркнул он с порога, вваливаясь в прихожую и принося с собой запах дешевых сигарет и резкого дезодоранта. — Ну что, опять потекло? Диспетчер сказала, адрес знакомый. Я тут, правда, сам не был, но брат рассказывал.

Я отступила на шаг, чувствуя, как внутри с оглушительным звоном лопается натянутая струна. Воздух вышел из легких, оставив после себя пустоту и острое чувство стыда.

— Брат? — переспросила я, и мой голос прозвучал плоско, безжизненно.

— Ну да, Ильшат, — мужчина скинул куртку, оставшись в застиранной футболке. — Он меня подменял в прошлый раз. Спину у меня прихватило так, что ни вздохнуть, ни... кхм. А заказ терять нельзя было, у нас с этим строго. Вот он и выручил по-семейному.

Он по-хозяйски прошел на кухню, гремя ящиком. Я плелась следом, чувствуя себя полной дурой.

Ильшат. Его зовут Ильшат. Красивое, твердое татарское имя. Не Ринат.

— А он... тоже сантехник? — вырвалось у меня против воли. Я вцепилась в спинку стула, чтобы пальцы не дрожали.

Мастер хохотнул, присаживаясь на корточки перед раскуроченной тумбой.

— Кто? Ильшат-то? — он махнул рукой, доставая газо-

вый ключ. — Не, какой он сантехник. Он так... мастер на все руки. У него голова светлая, руки золотые, но он по другой части. Просто приехал в гости, вот и помог брату. Он у меня мировой мужик, своих не бросает. Сейчас уже уехал по делам, мотается туда-сюда, занятой человек.

«Уехал».

Слово упало тяжелым камнем. Значит, всё. Гастроли окончены. Занавес.

Я смотрела на широкую спину настоящего Рината, обтянутую дешевым трикотажем, и чувствовала, как краска заливает лицо. Господи, какая же я идиотка. Я наделила случайного мужчину, брата этого простого работяги, чертами своего сына. Я увидела мистику там, где была просто генетика — у братьев, наверное, похожий разрез глаз, вот мне и показалось. А благородство, стать, манеры... Я просто додумала их. Придумала себе принца в синей робе, потому что моя реальность стала слишком невыносимой, и мне нужен был хоть какой-то просвет.

— Ну, показывайте, где тут у вас Ниагара была, — бормотал Ринат, ныряя головой под раковину. — Ага, вижу заглушку. Нормально Ильшат поставил, на совесть. Но менять надо всё, тут гнилье одно.

Следующий час прошел под аккомпанемент металлического лязга, сопения и нехитрых мелодий, которые Ринат напевал себе под нос. Он работал быстро, профессионально, но грубо. Он не просил посветить ему телефоном, не касался

моей руки, не смотрел на меня так, будто видел мою душу. Он был просто функцией. Ремонтным набором из костей и мяса.

Я сидела за столом, глядя в окно на серый двор, и чувствовала, как умирает моя глупая надежда.

— Ух, а чем это так пахнет? — вынырнул Ринат из-под раковины, вытирая руки грязной ветошью. — Корицей? Прямо как у мамы в деревне!

— Угощайтесь, — машинально кивнула я на противень. — Они еще теплые.

Он не стал церемониться. Схватил самую большую улитку невымытой рукой, откусил половину, роняя крошки на стол и на пол.

— М-м-м! Вкуснотища, хозяйка! — прошамкал он с набитым ртом. — Вам бы в пекарне работать!

— Я и работаю. Технологом, — сухо ответила я.

В моей памяти всплыла картинка: Тот мужчина, Ильшат, держащий чашку с чаем. Как он пил — бесшумно, аккуратно. Как отодвинул деньги. Как смотрел.

Ринат дожевал булку, вытер рот тыльной стороной ладони.

— Всё, готово! Принимайте работу. Вода идет, ничего не течет, сифон новый поставил. С вас... — он назвал сумму. Двойной тариф за срочность плюс материалы. Никаких скидок, никаких «бонусов от фирмы».

Я молча отсчитала деньги.

— Спасибо, выручили, — сказала я, протягивая купюры.

— Вам спасибо за пирожки! — он подмигнул, запихивая деньги в карман джинсов комком. — Если что — звоните в контору, просите Рината. Теперь я в строю. А брату привет передам, если увижу. Он у нас птица вольная.

Дверь за ним захлопнулась с громким стуком.

Я осталась одна в тихой квартире. Подошла к раковине. Открыла кран. Вода ударила в нержавейку ровной, сильной струей. Всё работало. Проблема решена. Гештальт закрыт.

Но почему тогда внутри так пусто, словно меня обокрали?

Я медленно опустилась на стул. На столе, среди крошек от булки, лежала забытая Ринатом отвертка. Обычная, с желтой ручкой. Никакой магии.

Я достала из кармана паспорт. Открыла на странице с фотографией Никиты. Потом вытащила из-под обложки ту самую визитку, которую мне оставил Ильшат. Помятый прямоугольник дешевого картона: «Мастер Ринат».

Я смотрела на неё минуту. Потом медленно сжала кулак, превращая картон в бесформенный комок.

— Хватит, Милана, — сказала я вслух, и мой голос эхом отскочил от кафельных стен. — Хватит жить иллюзиями. Никакой мистики нет. Тебе пятьдесят лет, тебя бросил муж, у тебя нет денег, и ты сидишь на кухне у подруги, мечтая о сантехнике, которого выдумала.

Я подошла к мусорному ведру и с силой швырнула туда скомканную визитку. Она упала поверх картофельных

очистков.

Вот и всё. Сказка кончилась, не начавшись.

Я вернулась в комнату, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах. Упала на диван, уткнувшись лицом в подушку. Слезы подступили к горлу, но это были не слезы ярости, как в тот вечер с лапшой. Это были слезы бессилия и разочарования в самой себе. Я так хотела чуда. Хотела верить, что в этом мире еще осталось что-то светлое, предназначенное лично для меня.

Телефон на тумбочке звякнул, оповещая о новом сообщении.

Я лениво потянулась к нему. Может, Люба? Спросит, как прошел визит «принца»? Что я ей скажу? Что принц превратился в тыкву?

На экране высветилось имя: «*Андрей*».

Я сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев. Открыла сообщение.

«Мила, хватит играть в прятки. Мне нужны ключи от дачи. В эти выходные я еду туда с Эльмирой, мы хотим отдохнуть. Завези ключи мне на работу или оставь на вахте. И да, забери свои зимние вещи из квартиры, они занимают место в шкафу. Эльмире нужно пространство для гардероба».

Буквы расплывались перед глазами.

«Они занимают место».

«Эльмире нужно пространство».

Двадцать лет жизни он упаковал в пару коробок и выставил на мороз, чтобы освободить вешалки для шмоток своей любовницы. Он даже не спросил, где я живу. Он просто требовал ключи, чтобы везти ее в дом, где я своими руками сажала гортензии и красила веранду.

Я швырнула телефон на диван.

Внутри что-то щелкнуло. Последний предохранитель перегорел.

Я встала. Подошла к окну. Серый казанский двор, мокрый асфальт, чужие машины. Этот город, который я когда-то полюбила ради него, теперь выталкивал меня, как инородное тело. Здесь каждый угол кричал о моем поражении. Здесь я была «бывшей женой прораба», «несчастной женщиной», «клушей».

Здесь мне мерещились глаза сына у случайных прохожих.

Мне нужно уезжать. Прямо сейчас. Немедленно.

В Москву. К маме. К Никите. В город моей юности, который я предала ради любви, оказавшейся фальшивкой. Там стены помогут. Там я смогу дышать.

Я схватила телефон и набрала номер мамы.

— Алло, Милочка? — родной, теплый голос заставил губы дрогнуть.

— Мам... — я сглотнула ком в горле. — Мам, я ушла от Андрея, я возвращаюсь. Насовсем.

— Слава богу, доченька, — мама даже не удивилась, словно ждала этого звонка двадцать лет. — Мы с Никиткой тебя ждем. Комната твоя свободна. Приезжай домой.

Я нажала отбой.

Потом открыла приложение авиакомпании. Денег на карте было в обрез — остатки зарплаты. Хватало на билет эконом-класса в один конец на завтрашнее утро.

Я купила билет.

Прощай, Казань. Прощай, Андрей. Прощай, странный сантехник с глазами моего сына. Я закрываю эту дверь. На этот раз — навсегда.

Завтра я буду в небе. И пусть все катится к черту.

Глава 6

Чемодан закрылся с натужным стоном, словно даже неодушевленный пластик сопротивлялся тому, как бесславно я пакую в него двадцать лет своей жизни. Одна сумка. Немного белья, пара свитеров, документы и старый альбом с фотографиями, который я выкрала из нашей квартиры в тот первый вечер, пока Андрей и его «сапфировая» пассия отмывались от моей лапши.

Это было всё. Всё, что осталось от Миланы — примерной жены, образцового технолога и женщины, которая когда-то верила в «долго и счастливо».

— Ты точно не хочешь остаться еще на пару дней? — Люба стояла в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку. Она выглядела непривычно тихой, лишенной своего обычного искрящегося задора.

— Нет, Люб. Если я останусь, я либо сойду с ума, либо вернусь к нему от безысходности. А я не хочу ни того, ни другого.

Подруга подошла и сунула мне в карман плаща конверт.

— Тут немного. На первое время. Не спорь, Милка, — отрезала она, увидев, что я собираюсь возразить. — Это не милостыня. Это инвестиция в твое светлое будущее. Отдашь, когда откроешь свою первую пекарню в Москве.

Я обняла её, вдыхая знакомый запах сандала и дома.

— Спасибо тебе. За всё.

Такси уже ждало внизу. Город, умытый утренним туманом, казался чужим и холодным. Я попросила водителя сделать небольшой крюк — к офису строительной компании «ГрадСтрой».

Остановка заняла не больше двух минут. Я вышла из машины, чувствуя, как немеют пальцы. Знакомое здание из стекла и бетона, в которое я когда-то заносила Андрею домашние обеды. Теперь оно выглядело как крепость врага.

Я подошла к окошку вахты. Старый охранник Михалыч, узнав меня, заулыбался, но тут же осекся, увидев мой взгляд. Я молча положила на стойку связку ключей. Брелок в виде маленького деревянного домика — мы купили его в первый год жизни в Казани — звякнул о пластик как-то по-особенному похоронно.

— Передайте Андрею Викторовичу. Скажите, что ключи от дачи и квартиры возвращены. Больше я ничего не должна.

Я развернулась и пошла к такси, кожей чувствуя удивленный взгляд Михалыча в спину. У ворот офиса я заметила ярко-красный «Мерседес» Эльмиры Камильевны. Красивая машина. Дорогая. Теперь она может парковаться на моем месте не только в его постели, но и в его жизни. Странно, но боли не было. Только брезгливость, как если бы я случайно наступила в липкую грязь.

Аэропорт имени Габдуллы Тукая встретил меня привычной суетой. Я прошла регистрацию на рейс до Москвы. Мой

билет в эконом-класс был куплен на последние «живые» деньги, оставшиеся на моей личной карте. Каждое списание сопровождалось тихой паникой внутри: «А что ты будешь есть завтра?».

Зал ожидания был забит. Я сидела в неудобном кресле, прижимая к себе сумку, и в сотый раз проверяла паспорт. Фото Никиты в обложке было моим единственным якорем. «Мама едет, сынок. Мама возвращается».

Мысли снова и снова возвращались к вчерашнему визиту настоящего Рината. Тот простой, пахнущий табаком мужик окончательно разрушил мою иллюзию. Ильшат... Брат-самозванец. Он просто уехал. Ринат ясно дал понять: «птица вольная». Наверное, сидит сейчас в каком-нибудь поезде, едет на очередную шабашку в другой город. А я, дура, искала в его глазах судьбу.

Я зашла в самолет одной из последних. В салоне стоял специфический запах антисептика, пластика и парфюма. Люди сустились, запихивая чемоданы на верхние полки. Я нашла свое место — ряд 18. Втиснула сумку под сиденье впереди и облегченно опустилась в кресло.

Закрыла глаза. Хотелось просто уснуть и проснуться уже в Домодедово, где меня встретит мама.

Я почувствовала, как на соседнее кресло кто-то сел. Массивно, уверенно. Послышался сухой щелчок ремня безопасности. А следом...

Следом до меня долетел запах.

Это не был запах табака. И не был запах одеколона Андрея. Это был сложный, дорогой аромат — кожа, сандал и холодный можжевельник. Аромат уверенности и больших денег. Тот самый, который я почувствовала на кухне Любы, но тогда, в суете потопа, списала его на галлюцинацию.

Я медленно, очень медленно открыла глаза и повернула голову.

И замерла, забыв, как выдыхать.

Рядом со мной, в тесном кресле эконом-класса, сидел он.

Но это был не тот «Ринат в робе», которого я видела три дня назад. На нем была безупречная белая рубашка из тончайшего хлопка и кашемировый темно-синий джемпер, наброшенный на плечи. На запястье, которое покоилось на подлокотнике, хищно блеснули часы. Массивный стальной корпус, сапфировое стекло. Даже я, далекая от мира лакшери, понимала — это не реплика. Это вещь стоимостью в хороший автомобиль.

Он не смотрел на меня. Он был занят — на его коленях лежал тонкий ультрабук, он открыл его и на экране появился сложный архитектурный план. Его пальцы, длинные и ухоженные, уверенно начали что-то печатать.

— Вы? — мой голос прозвучал как шелест сухой листвы.

Он замер. Медленно, словно нехотя, закрыл крышку ноутбука. Повернул голову ко мне.

Те же глаза. Золотисто-карие. Глаза моего Никиты, вставленные в лицо этого зрелого, пугающе привлекательного

мужчины.

Он смотрел на меня спокойно. На его губах появилась едва заметная, «породистая» улыбка.

— Далеко собрались, хозяйка? — спросил он, и его баритон вибрацией отозвался у меня в груди.

— Я... в Москву. Домой, — я судорожно сжала ручки сумки. — Но ваш брат сказал... Он сказал, что вы уехали вчера.

— Я действительно должен был улететь вчера, — Ильшат чуть склонил голову набок, разглядывая меня с нескрываемым интересом. — Но в Казани возникли непредвиденные обстоятельства. Пришлось задержаться на объекте. А утром выяснилось, что на ближайшие рейсы в бизнес-классе нет мест. Даже в листе ожидания. Пришлось... потесниться.

Он окинул взглядом тесный салон самолета, и в этом жесте было столько естественного превосходства, что я почувствовала себя неловко в своей Любиной блузке.

— Кто вы такой на самом деле? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы ведь не сантехник.

Он снова открыл ноутбук, но не для того, чтобы работать. Он вывел на экран презентацию. Крупными буквами: «Архитектурное бюро Ильшата Сафина».

— Ильшат Сафин. Архитектор. А Ринат — мой младший брат. Иногда он попадает в ситуации, из которых я вынужден его вытаскивать. В тот вечер у него действительно сорвало спину, а терять «вип-заказ» он не хотел. Пришлось вспомнить молодость и помочь семье.

Я молчала, пытаюсь переварить информацию. Значит, он не мастер на все руки. Он владелец бюро. Человек другого полета. И он видел меня... такую. В халате, с размазанной тушью, в эпицентре бытовой катастрофы.

— Значит, вы всё это время просто играли? — я почувствовала, как внутри закипает раздражение, замешанное на жгучем стыде. — Смотрели, как я рыдаю над краном, и развлекались?

Ильшат закрыл ноутбук и полностью развернулся ко мне, насколько позволяло пространство. Его взгляд стал серьезным, почти жестким.

— Я не развлекался, Милана. Я помогал брату. Но когда я зашел на ту кухню и увидел вас... — он сделал паузу, и его взгляд скользнул по моему лицу. — Я понял, что сорванный кран — это меньшая из ваших проблем. И мне почему-то очень не хотелось оставлять вас одну в той луже.

Самолет начал выруливать на взлетную полосу. Двигатели взревели, наполняя салон мощной вибрацией.

— Это ведь не может быть совпадением, — прошептала я, вжимаясь в спинку кресла. — Один рейс. Соседние места. Вы... вы следили за мной?

Ильшат посмотрел в иллюминатор, где проносились бетонные полосы аэродрома, а потом снова на меня.

— Я верю в логику и расчет, Милана. Но иногда даже в самом точном чертеже случаются ошибки, которые создают нечто прекрасное. Я просто купил последний билет на этот

рейс. А то, что система посадила меня рядом с вами...

Он замолчал, когда самолет начал разбег. Нас вжало в кресла. Земля ушла вниз, унося с собой серую Казань, Андрея с его сапфирами и мой разрушенный дом.

— Может быть, это не ошибка, — тихо добавил он, когда мы пробили плотный слой облаков и салон залило ярким, ослепительным солнцем. — Может быть, это лучший проект в моей жизни.

Я смотрела на него — на этого чужого, пугающе богатого и невероятно похожего на моего сына человека — и понимала, что в Москве меня ждет не только мама. Кажется, моя жизнь только что совершила крутой вираж и вышла на эшелон, о котором я даже не смела мечтать.

Глава 7(Ильшат)

(от лица Ильшата)

Эконом-класс — это испытание для человека моих габаритов и привычек.

Я сидел, втиснув плечи в узкое кресло, и чувствовал себя деталью, которую пытаются загнать в неподходящий паз. Колени упирались в спинку впереди стоящего сиденья, а шум в салоне мешал сосредоточиться.

Обычно мой график расписан на месяцы вперед, и билеты бронирует секретарь. Но утренний звонок из московского офиса спутал все карты: на объекте в Хамовниках возникли проблемы с фундаментом, нужно было мое личное присутствие на совещании с инвесторами через три часа. «Бизнес» на ближайшие рейсы был выкуплен под завязку каким-то нефтегазовым форумом. Пришлось брать последний билет в эконом.

Я открыл ноутбук, пытаюсь абстрагироваться от плача ребенка где-то в хвосте и запаха разогреваемой бортовой еды. Архитектурные планы, расчеты, сметы... Мой мир всегда был логичен и упорядочен. В нем не было места случайностям.

До того самого вечера в квартире Рината.

Я до сих пор не мог понять, зачем я это сделал. Зачем надел рабочую куртку брата? Зачем полез в лужу под ракови-

ной? Наверное, это был какой-то подсознательный протест против собственной стерильной жизни. Против идеальных чертежей, за которыми не было тепла.

А в той женщине тепло было. Даже когда она дрожала от холода и ярости, в ней ощущалась такая жизнь, такая настоящая, невыдуманная боль, что меня пробрало до костей.

Я почувствовал её раньше, чем увидел.

Знакомый аромат. Нет, не духи — теплая ваниль, свежее тесто и едва уловимая нотка осенней сырости. Я медленно закрыл ноутбук и повернул голову.

Она.

Милана. Моя «заказчица» из затопленной кухни.

Она сидела рядом, прижавшись к иллюминатору, и выглядела так, словно собиралась исчезнуть, раствориться в облаках. Бледная, с плотно сжатыми губами. В её профиле читалось такое отчаянное одиночество, что у меня — человека, который привык строить стены — возникло непреодолимое желание эти стены разрушить.

— Вы? — её голос прозвучал как надтреснутый хрусталь.

Она смотрела на меня, и в её глазах — тех самых, золотисто-карие, которые не давали мне спать две ночи — плескался шок. А затем пришло узнавание. И обвинение.

Я видел, как она рассматривает мою рубашку, кашемировый джемпер, ноутбук. Как её взгляд натывается на мои часы. Я видел, как она сопоставляет «сантехника Рината» и человека, сидящего рядом с ней.

— Ильшат Сафин. Архитектор, — представился я, решив не тянуть с правдой.

— Милана Юрьевна. Технолог — ее голос прозвучал официально.

Я наблюдал за тем, как она реагирует. Гнев ей шел больше, чем тоска. В ней проснулась гордость, и это заставило меня уважать её еще сильнее. Она не стала кокетничать или радоваться встрече с «богатым покровителем». Напротив, она ошетибилась.

— Значит, вы просто играли в «спасателя»? — в её голосе звенел металл. — Смотрели, как я рыдаю над краном, и развлекались?

— Я не развлекался, Милана Юрьевна, — я намеренно называл её по имени-отчеству, возвращая нас в плоскость официального знакомства. — Я помогал брату. Но когда я зашел в ту квартиру и увидел вас... Я понял, что кран — это меньшая из ваших бед. И я не хотел уходить, пока не убедился, что вода перестала течь. В буквальном смысле.

Она отвернулась к иллюминатору, и я понял: она мне не верит. Для неё я был очередным обманщиком в её видимо и без того разрушенном мире.

Самолет начал разбег. Нас вжало в кресла. Я заметил, как её пальцы судорожно вцепились в подлокотники. Она боялась летать? Или просто боялась будущего?

— Вы летите в Москву насовсем? — спросил я, когда мы выровнялись над облаками.

— Насовсем, — ответила она, не поворачивая головы.

Весь полет мы разговаривали. Сначала неохотно, короткими фразами, но потом лед начал таять. Я рассказывал ей о Москве — не о пафосных ресторанах, а о тихих переулках старого Арбата, о том, как город меняет людей. Она рассказывала, что она технолог. С какой гордостью она говорила о хлебе! Для неё это была не просто работа, а творчество.

Я смотрел на её руки — изящные, сильные руки мастера. И понимал, что эта женщина — не «клуша», как, вероятно, считал её муж. Она была творцом.

— У меня в Москве мама. И сын, — добавила она тише.
— Он уже взрослый, студент.

Сын. Значит, её сердце уже занято самой главной любовью. Я почувствовал легкий укол... нет, не ревности, а какой-то странной тоски. У меня не было детей. Был только Ринат, который так и не повзрослел.

Когда самолет начал снижение, я понял, что не могу отпустить её просто так. Эта встреча — один шанс на миллион. В математике такие вероятности называют «статистической погрешностью», но в архитектуре это иногда — единственно верное решение, позволяющее удержать весь свод.

— Милана, — позвал я её, когда мы уже рулили к терминалу.

Она посмотрела на меня — уже спокойнее, без той колючей защиты.

— Москва — жесткий город. В нем легко потеряться, если

у тебя нет точки опоры.

Я достал из кармана визитку. Плотная бумага, тиснение, мой личный номер. Никаких «Молотков» и «Ринатов».

— Если вам понадобится консультация... или просто совет по навигации в этом мегаполисе. Пожалуйста, позвоните.

— Я здесь родилась и выросла...но все равно спасибо.

Она взяла карточку. Её кончики пальцев коснулись моих, и я снова почувствовал этот разряд. Она вздрогнула, но визитку спрятала в обложку паспорта.

Мы вышли из самолета вместе, но в терминале нас подхватили разные потоки. К ней кто-то должен был приехать, или она собиралась вызвать такси — она не сказала.

— Счастливо, Милана, может Вас все таки подвезти?— спросил я, останавливаясь у выхода к стоянке, где меня уже ждал водитель на служебном авто.

— Спасибо,Ильшат Равилевич, меня встретят — она кивнула, поправила сумку на плече и зашагала к выходу на такси.

Я стоял и смотрел ей в спину. Хрупкая фигурка в светлом плаще быстро растворилась в толпе прибывших.

— Ильшат Равилевич? Едем? — мой водитель подошел и взял мой портфель.

— Да, едем, — я сел на заднее сиденье «Мерседеса», но мысли мои остались там, в эконо-классе.

Впервые за много лет мне было неинтересно смотреть чертежи. Я думал о женщине, которая пахнет ванилью и уме-

ет печь пирожки.

Я еще не знал, что эта случайная встреча в небе — начало самого сложного и самого важного проекта в моей жизни. И что очень скоро я снова увижу этот золотисто-карий взгляд — но уже на фотографии, которая перевернет мой мир.

— В офис, — скомандовал я. — И узнай мне... хотя нет, не надо.

Я решил, что если судьба захочет нас свести еще раз, она сделает это без помощи моих безопасников.

Я просто буду ждать.

Глава 8

Шереметьево встретило меня утробным гулом, бесконечными лентами транспортеров и тем специфическим холодным сквозняком, который бывает только в больших аэропортах. Когда шасси самолета коснулись полосы, я невольно зажмурилась, ожидая, что этот момент станет финальным аккордом, точкой в конце долгого и мучительного предложения. Но нет. Это была лишь запятая.

Я шла по терминалу, вцепившись в ручку своей единственной сумки, и чувствовала себя удивительно легкой. Словно все те двадцать лет, что я старательно выстраивала в Казани — каждый вымытый до блеска угол, каждый приготовленный Андрею обед, каждое «терпи, Мила, семья — это труд» — остались там, в багажном отсеке, и теперь их просто забыли выгрузить. В Москве я была никем. Очередной женщиной в плаще, затерявшейся в многотысячной толпе. И это отсутствие статуса «жены прораба» дарило мне почти пугающее, опьяняющее чувство свободы.

Я несколько раз поймала себя на том, что оборачиваюсь. Мой взгляд невольно выхватывал в толпе статных мужчин в темных пальто, и сердце каждый раз делало предательский кульбит, прежде чем разум ледяным тоном осаживал: «Хватит, Милана. Это не он. И это не Ринат. Это Ильшат Сафин, большой человек из другого мира, который просто летел ря-

дом». В эконом-классе, напомнила я себе. Случайность. Статистическая погрешность.

Автоматические двери зала прибытия разъехались с тихим шипением, впуская в легкие влажный, пахнувший бензином и ожиданием воздух Москвы.

— Мама!

Голос Никиты прошил толпу, как стрела. Я увидела его сразу. Он стоял у самого заграждения, возвышаясь над остальными. Рядом с ним, кутаясь в неизменную кашемировую шаль, примостилась моя мама, Мария Степановна. Она выглядела такой маленькой и хрупкой рядом с внуком, что у меня в горле мгновенно встал колющий ком.

Я почти бежала. Сумка больно била по ногам, но я не замечала.

Никита подхватил меня, когда до него оставалось еще пара шагов. Он просто вытянул свои длинные руки и сгреб меня в охапку, отрывая от земли. В этот момент я разрыдалась. Беззвучно, уткнувшись носом в его куртку, пахнущую свежестью и хорошим парфюмом. Это были не те яростные, жгучие слезы, которые я выплескивала в кастрюлю с лапшой. Это были слезы возвращения. Словно я, обескровленная и израненная, доползла-таки до своих.

— Ну всё, всё, мам... Ты дома. Я здесь, — Никита гладил меня по волосам, и его движения были такими спокойными, такими уверенными, что я невольно замерла.

Я отстранилась и посмотрела на него. Теперь, когда в моей

памяти еще свеж был образ Ильшата в белой рубашке, сходство казалось мне вопиющим. Тот же разрез глаз, та же манера чуть склонять голову набок, когда он внимателен. «Генетика — упрямая штука», — пронеслось в голове, и я тут же затолкала эту мысль поглубже. Сейчас не время для исследований.

Мама подошла и молча прижала мою голову к своему плечу. От нее пахло лавандой и «Корвалолом».

— Живая, — выдохнула она, и в этом единственном слове было всё: и осуждение моего долгого отсутствия, и безграничная любовь, и понимание того, что просто так с одной сумкой из Казани не возвращаются.

Мы вышли на парковку. Москва гудела, переливалась огнями, торопилась. Никита ловко уложил мою сумку в багажник такси, и мы поехали на Сокол.

Район моего детства встретил меня величественным спокойствием сталинских домов. Наша квартира всегда была для меня эталоном: высокие потолки, лепнина, которую мама подкрашивала сама, и массивные дубовые двери с медными ручками. Когда мы вошли в прихожую, я остановилась, вдыхая этот запах. Запах старых книг, воска для паркета и покоя. Здесь время не имело той разрушительной силы, которую я чувствовала в нашем современном казанском «новострое», где стены казались сделанными из картона и лжи.

— Проходи в свою комнату, Милочка. Я там всё проветрила, постелила твое любимое белье, — мама суежилась, пы-

таясь скрыть волнение.

Моя старая детская. Письменный стол, за которым я когда-то чертила свои первые технологические карты. Узкая кровать. На полках всё ещё стояли мои старые альбомы по искусству. Я села на край постели и закрыла глаза. На Соколе за окнами шумели липы, и этот шум убаюкивал лучше любого снотворного. Здесь мне не нужно было быть «удобной». Здесь я была просто дочерью.

— Мам, пойдем на кухню, чай готов, — Никита заглянул в комнату, и его голос был тихим, оберегающим.

Кухня Марии Степановны была центром вселенной. На столе стоял старый фарфоровый сервиз — «ЛФЗ», тонкий, почти прозрачный. Мама всегда говорила, что чай из плохих кружек — это неуважение к собственной душе.

Мы сидели втроем. Никита разливал чай, и в подстаканниках звенели ложечки. Я поняла, что момент настал. Нельзя было больше прятаться за усталостью.

— Я вернулась насовсем, — сказала я, глядя в свою чашку. — Ключи от квартиры и дачи я сдала на вахту в офис Андрея.

Мама замерла с чайником в руках. Никита перестал размешивать сахар.

— Значит, всё-таки... — мама присела на стул, тяжело опершись на стол. — Я ведь чувствовала, Мила. Все эти годы, когда ты звонила и говорила «всё хорошо», я слышала, как у тебя голос дрожит.

— У отца другая женщина, — я подняла глаза на сына. Мне было важно сказать это твердо, без тени жалости к себе. — Я застала их дома. Прямо в нашей спальне.

Никита не вскрикнул, не ударил кулаком по столу. Он медленно откинулся на спинку стула, и его лицо стало жестким, почти чужим. В этот момент он выглядел гораздо старше своих восемнадцати.

— Знаешь, мам... — он помолчал, разглядывая узор на скатерти. — Я, наверное, должен сказать, что в шоке. Но это не так.

Я удивленно посмотрела на него.

— Я всегда чувствовал, что между мной и ним какая-то стена. Он вроде бы был рядом, покупал мне гаджеты, возил на тренировки... Но я никогда не чувствовал в нем родного человека. Он был как будто из другого теста. Грубый, приземленный. Я всё думал: ну почему я такой непохожий на него? Почему мне интересна архитектура, история, почему меня тянет к книгам, а его — к шашлыкам и баням с мужиками?

Слова сына отозвались во мне тупой болью. Я вспомнила те годы, когда пыталась «подружить» их, заставляла Никиту проводить время с отцом, винила сына в холодности. А дело было в том, что ребенок просто чувствовал правду, которую я сама себе боялась признать.

— Я переживаю только за тебя, — продолжил Никита, сжимая мою ладонь своей большой, теплой рукой. — За него

— нет. По отцу я скучать не буду. Он... он всегда был для меня чужим.

Мама тихо вздохнула, вытирая кончиком шали глаза.

— Ну и бог с ним, с Андреем этим. Приблудный он был в нашей семье, сразу видать. Ты, главное, сама не падай духом, Милочка. Мы справимся. Москва — она своих не бросает.

Позже, когда чай был выпит, а Никита ушел к себе в комнату готовиться к завтрашним лекциям, я вернулась в свою спальню. Тишина старой квартиры обволакивала, даря долгожданное оцепенение. Я достала сумку, чтобы разобрать вещи.

Паспорт лежал сверху. Я взяла его, чтобы убрать в ящик стола, и в этот момент из-под кожаной обложки выскользнула и бесшумно спикировала на ковер визитка.

Я не успела наклониться.

Дверь приоткрылась — Никита решил занести мне зарядку для телефона, которую я забыла на кухне. Он увидел карточку на полу, ловко подхватил её и протянул мне.

— Уронила, мам.

Но прежде чем отдать, он невольно пробежал глазами по тексту. Его брови взлетели вверх, а взгляд стал предельно внимательным.

— Ильшат Равилевич Сафин... — прочитал он вслух, и его голос как-то странно изменился. — Архитектурное бюро Сафина? Мам, ты серьезно?

Я почти вырвала визитку из его пальцев, чувствуя, как ще-

ки обжигает предательский румянец.

— Это... это просто попутчик. В самолете познакомились. Он помог мне сумку поднять на полку, вот и оставил контакты... На всякий случай.

Никита посмотрел на меня так, словно я только что сказала, что видела инопланетян.

— Мам, Сафин — это не «просто попутчик». Это величина. Его бюро проектировало половину новых жилых комплексов в Сити и застройку на набережной. У нас в Бауманке на его проекты молятся. Это один из самых крутых архитекторов страны.

Я застыла с визиткой в руках. Сердце забилося где-то в горле, мешая дышать. «Ринат», — вспомнила я. — «Муж на час». Человек, который на коленях возился в луже под раковиной Любы. Архитектор с мировым именем?

— Ну, может, это просто однофамилец, — пробормотала я, поспешно пряча карточку в ящик стола и закрывая его на ключ. — Никита, иди спать. Завтра тяжелый день.

Сын еще секунду стоял в дверях, глядя на меня со странным прищуром. Тем самым прищуром, от которого у меня подкашивались ноги в самолете.

— Ну да. Попутчик, — хмыкнул он. — Ладно, спокойной ночи, мам. Рад, что ты дома.

Он вышел, тихо прикрыв дверь. Я осталась стоять посреди комнаты, прижимая ладони к горящему лицу.

Имя «Ильшат Сафин» теперь не просто жгло мне паль-

цы. Оно вибрировало в воздухе, заполняя собой пространство старой московской квартиры. Я приехала сюда за тишиной и покоем, чтобы начать всё с чистого листа. Но, кажется, Москва оказалась гораздо меньше, чем я думала. И на этом «чистом листе» судьба уже начала выводить буквы имени человека, который за два часа в небе перевернул мой мир больше, чем Андрей за двадцать лет брака.

Я легла в кровать, укрылась одеялом до самого подбородка. За окном шелестели липы Сокола, а в голове у меня, как заевшая пластинка, звучал голос сына: «Он всегда был для меня чужим».

И я поняла: мой путь только начался. И на этом пути мне придется не только строить новую жизнь, но и вскрывать старые шрамы, от которых я так долго пыталась убежать.

Где-то в темном ящике стола лежала визитка человека, чьи глаза теперь мерещились мне в отражении собственного сына. И я знала — завтра этот человек обязательно напомнит о себе. Потому что архитекторы такого уровня не оставляют свои проекты незавершенными. А я, похоже, стала его самым неожиданным проектом.

Глава 9

Солнечный луч, пробившийся сквозь тяжелые шторы маминой «сталинки» на Соколе, осветил в воздухе мириады пылинок. Они танцевали в золотистом мареве, напоминая мне о том, что время не замирает даже тогда, когда твой личный мир разлетается на куски.

Я сидела на краю узкой девичьей кровати, на которой не спала больше двадцати лет, и смотрела на разложенные перед собой папки. Мои дипломы, пожелтевшие сертификаты, пачка технологических карт, исписанных моим аккуратным, «убористым» почерком. Это был мой единственный капитал. Мой багаж, который невозможно было заблокировать в банковском приложении или выставить за дверь вместе с зимними вещами.

— Милочка, ну съешь хоть сырник, — мама заглянула в комнату, прижимая к груди полотенце. — На пустой желудок только на амбразуры ходить, а не на работу наниматься.

— Не могу, мам. Горло перехватило, — я слабо улыбнулась, глядя на свое отражение в зеркале старого шифоньера.

Из глубины стекла на меня смотрела женщина, которую я с трудом узнавала. Строгий темно-синий жакет, белая блузка с острым воротничком, волосы, собранные в безупречный узел. Я нанесла макияж чуть ярче обычного — не для красоты, а ради маскировки. Под слоем пудры и тонального кре-

ма я спрятала бессонную ночь, тени сомнений и тот липкий страх, который шептал: «Тебе пятьдесят, Милана. Кому ты нужна в этом городе молодых и дерзких?».

Я решительно застегнула пуговицы жакета, словно защелкнула затворы на доспехах. В кармане плаща, приготовленного в прихожей, лежала визитка Ильшата Сафина. Я не доставала её, но само осознание того, что она там, дарило мне странную, почти физическую опору.

— Я пошла, — бросила я, целуя маму в сухую щеку. — Никитка еще спит?

— Спит, — вздохнула мама. — Поздно чертил вчера. Ты иди, дочка. Иди с богом. Мы тут за тебя кулачки держать будем.

Москва встретила меня грохотом Ленинградского проспекта и равнодушной суетой метро. Я ехала на Патриаршие, где располагался головной офис сети «Хлебное дело». Это была элита. Здесь не просто пекли булки — здесь создавали философию потребления. Дорогая мука, авторские закваски, заоблачные цены.

Офис пах свежееобжаренным кофе и амбициями. Меня приняла Кристина — HR-менеджер, чье лицо казалось высеченным из того же гладкого пластика, что и её стол. Ей было от силы двадцать пять, и на мой диплом она взглянула так, словно это была берестяная грамота из раскопок.

— Милана Юрьевна, верно? — Кристина изящно перелистнула мое резюме длинным, безупречно алым когтем. —

У вас впечатляющий стаж в Казани. Но понимаете, мы — прогрессивная сеть. Мы работаем с безглютеновыми смесями, семенами чиа, активированным углем и длительной холодной ферментацией. Нам нужны инновационные подходы. А ваш бэкграунд... он немного... традиционный.

Она произнесла это слово так, будто обвинила меня в пособничестве инквизиции.

Я сложила руки на коленях, чувствуя, как внутри просыпается та самая Милана, которая когда-то заставила весь хлебозавод Казани перейти на новые стандарты качества.

— Традиции — это база, Кристина, — спокойно ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Химия процесса не меняется от того, добавили вы в тесто уголь или нет. Глютен — это скелет хлеба. Если вы хотите делать качественный продукт, а не маркетинговый муляж, вам нужен человек, который понимает, как ведут себя ферменты при температуре плюс четыре градуса в течение сорока восьми часов. И я — этот человек. Я знаю, как «поженить» влажность муки и жесткость московской воды так, чтобы корка не отсырела через два часа.

Кристина открыла было рот, чтобы выдать очередную заготовленную фразу про «гибкость мышления», но дверь в переговорную распахнулась.

В комнату вошел мужчина — сухой, жилистый, с копной седых волос и руками, которые были чисто вымыты, но сохранили тот характерный белесый оттенок, который бывает

только у пекарей. Аркадий Викторович, владелец сети. Человек-легенда, про которого говорили, что он может определить сорт зерна на ощупь.

— Глютеное окно, — бросил он вместо приветствия, не глядя на Кристину. — Как проверить готовность теста для чиабатты без использования приборов?

Я встала. Страх исчез. Остался только азарт профессионала.

— Смочить пальцы водой, растянуть кусочек теста до состояния тонкой пленки, — ответила я без запинки. — Если пленка не рвется и через нее виден свет, белковые связи сформированы. Но для чиабатты важно еще и время аутолиза, иначе вы получите резину вместо кружевного мякиша.

Аркадий Викторович наконец посмотрел на меня. Его глаза, окруженные сетью морщин, сузились.

— Кристина, свободна, — буркнул он. А затем повернулся ко мне: — Хватит болтать. В цеху на Малой Бронной сегодня закваска «закапризничала». Пекарь — соплик с дипломом кулинарного колледжа — не понимает, почему багет кислит. Идемте. Если исправите — вы в деле. Если нет — не тратьте мое время.

Мы шли по переулкам Патриарших. Аркадий Викторович шагал быстро, я едва поспевала за ним на своих каблуках. Внутри крошечной, ослепительно белой пекарни стоял жар. Молодой парень в татуировках растерянно смотрел на огромную дежу с тестом.

Я подошла к чану. Не обращая внимания на дорогие манжеты своей блузки, я погрузила руку в прохладную, тягучую массу. Закрыла глаза, прислушиваясь к ощущениям. Тесто было тяжелым. Липким.

— Температура закваски при вводе? — спросила я, не оборачиваясь.

— Двадцать четыре градуса, как по техкарте! — огрызнулся парень.

Я достала из кармана свой складной термометр — он всегда был со мной, как стетоскоп у врача. Ткнула в массу.

— Двадцать восемь, — констатировала я, поворачиваясь к владельцу. — Ваша система климат-контроля врет на четыре градуса. Тесто перекисает еще до того, как попадает в расстоечный шкаф. Активность дрожжей слишком высокая, молочнокислые бактерии не успевают за ними.

Я обернулась к раковине, вымыла руки и начала быстро набрасывать цифры на клочке салфетки.

— Уменьшайте гидратацию на три процента, лед в воду при замесе и увеличьте время предварительного брожения в холоде. И проверьте вентиляцию над дежой. Она гонит теплый воздух от печей прямо сюда.

В цеху повисла тишина. Молодой пекарь смотрел на меня с ненавистью, а Аркадий Викторович — с какой-то странной, почти детской радостью.

Он подошел к столу, взял салфетку, изучил мои расчеты. А потом посмотрел на меня.

— Как вы сказали вас зовут?

— Милана Юрьевна.

— Слушайте меня, Милана Юрьевна. Мне плевать, что вы из Казани. Мне плевать, сколько вам лет. Вы слышите хлеб, а это — дар. Кристина оформит вас на испытательную неделю. Оклад... — он назвал сумму, от которой у меня на мгновение потемнело в глазах. Это было втрое больше того, что я получала в Казани. — Если через неделю багеты будут идеальными, подпишем контракт на год. По рукам?

— По рукам, — я с трудом удержала голос от дрожи.

Я вышла из пекарни в сумерки московского вечера. Тверская гудела миллионами огней, машины неслись бескончаемым потоком, а я стояла у фонарного столба и не могла дышать.

Успех. Настоящий, чистый, заслуженный. Без связей Андрея. Без его снисходительного «Ну, Милка, пристроил я тебя по знакомству». Я сделала это сама. В пятьдесят лет. В Москве.

Рука автоматически нырнула в сумочку. Пальцы нащупали телефон. Я по привычке, выработанной десятилетиями, хотела набрать Андрея. Поделиться. Сказать: «Андрюш, представляешь, меня взял сам Савицкий! Оклад огромный!». Я уже почти открыла список контактов, когда перед глазами всплыла картина: Андрей в нашей спальне, его вальяжный голос: «Клуша... мебель... куда она денется».

Я замерла. Палец застыл над кнопкой вызова.

Горький комок подкатил к горлу. Ему неинтересно. Ему плевать на мои багеты и мою закваску. Для него я — отработанный материал, освободивший место в шкафу для шмоток Эльмиры. Если я позвоню, он либо зевнет в трубку, либо начнет высчитывать, сколько теперь можно не платить мне при разделе имущества.

Я медленно опустила телефон. Ощущение было такое, будто мне ампутировали руку, которая всё еще чесалась по привычке. Фантомная боль любви, которой больше нет.

Я открыла сумочку шире и достала из потайного кармашка визитку Ильшата.

Плотная бумага, едва уловимый аромат сандала и кожи. «Архитектурное бюро Ильшата Сафина».

В вечернем свете Москвы буквы казались объемными. Я вспомнила его взгляд в самолете. Тот золотисто-карий прищур, в котором не было пренебрежения. Он видел меня в самом ужасном виде, в мокром халате, раздавленную и жалкую — и всё равно смотрел как на равную.

Мне нестерпимо захотелось набрать его номер. Просто услышать этот низкий, спокойный баритон. Сказать: «Я нашла работу, Ильшат. Я справилась. Я больше не та женщина из лужи на кухне».

Я поднесла визитку к губам, вдыхая едва уловимый запах его парфюма. Сердце забилось часто и робко, как у девчонки перед первым свиданием. Это было безумие. Архитектор такого уровня и технолог хлеба...

Я не позвонила. Слишком рано. Слишком страшно. Но я спрятала визитку не под обложку паспорта, а во внутренний карман жакета — ближе к сердцу.

Я шла к метро, и каждый мой шаг по московскому асфальту был твердым. Я больше не была «старой привычкой». Я была Миланой Юрьевной, технологом, чьи руки знали цену настоящему хлебу. И чье сердце, вопреки всему, начинало биться в такт с этим огромным, жестким, но теперь таким моим городом.

А за спиной, в огнях Тверской, мне чудился золотистый отблеск чьих-то очень знакомых глаз. И я знала: это только начало. Корица в моих волосах сегодня пахла победой.

Глава 10(Ильшат)

(от лица Ильшата)

Пятьдесят восьмой этаж башни «Федерация» плавал в осенней московской хмари. За панорамными окнами моего кабинета моросил мелкий, колючий октябрьский дождь, размывая контуры соседних небоскребов.

— И на уровне второго яруса мы предлагаем пустить консольную террасу с озеленением, Ильшат Равилевич. Это добавит фасаду динамики и экологичности, — вещал Антон, наш ведущий дизайнер, переключая слайды 3D-модели на огромном плазменном экране.

Я сидел во главе длинного стола из мореного дуба, крутил в пальцах тяжелую перьевую ручку и кивал в такт его словам. Архитектура всегда была моей религией. Бетон, стекло, выверенные оси нагрузок — всё это подчинялось строгим законам физики. Если ты всё рассчитал правильно, здание будет стоять века.

Но уже пятый день моя хваленая способность к концентрации давала сбой. Линии на чертежах казались мертвыми, а идеальные рендеры — скучными.

Мой взгляд в который раз скользнул к экрану лежащего на столе смартфона. Он был девственно чист. Ни одного пропущенного звонка. Ни одного сообщения с незнакомого номера.

Женщины моего круга — владелицы галерей, топ-менеджеры, светские львицы — напоминали мне дорогостоящие бизнес-проекты. Они были безупречно ухожены, просчитаны до мелочей, их улыбки и фразы всегда появлялись строго по графику. Если я оставлял кому-то из них свою визитку, телефон звонил максимум через два часа.

Милана молчала.

Я закрыл глаза, вызывая в памяти её образ. Она стояла в тесном проходе эконо-класса, сжимая ремешок старой сумки. В чужой блузке, без грамма фальшивой уверенности, раненая, преданная мужем, выброшенная из привычной жизни — и при этом невероятно, пронзительно живая. В ней не было пластиковой идеальности. В ней билась настоящая жизнь, та самая, которую невозможно спроектировать в «Автокаде». И её упрямая гордость, её отказ цепляться за подброшенный мной «спасательный круг» заводили мой мужской инстинкт охотника так, как ничто другое за последние десять лет.

Дверь кабинета бесшумно открылась. Антон осекся на полуслове, увидев, как на пороге возник Олег — начальник моей службы безопасности. Бывший силовик, человек-скала, он никогда не прерывал совещания без веской причины.

— Антон, прервемся. Оставьте материалы, я посмотрю позже, — ровным тоном распорядился я.

Дизайнер поспешно собрал планшеты и испарился. Олег подошел к столу и положил передо мной тонкую серую пап-

ку.

— Нашел, Ильшат Равилевич. Как вы и просили, без лишнего шума и вмешательства в личное пространство. Только факты.

Я открыл картонную обложку. Несколько листов убористого текста.

Милана Юрьевна. Пятьдесят лет. В браке двадцать лет, муж — прораб в казанской строительной фирме.

Я пробежал глазами сухие строчки отчета. Муж заблокировал все её карты сразу после того, как она ушла. Оставил без копейки. Она переехала к матери в старую «сталинку» на Соколе. У нее не было никакой подушки безопасности, никакого влиятельного тыла, кроме студента-сына.

Другая на её месте впала бы в депрессию. Начала бы пить антидепрессанты, звонить бывшему с угрозами или мольбами, или, что еще вероятнее, тут же набрала бы номер состоятельного архитектора, который так удачно оказался рядом.

Но Милана выбрала другой путь.

— Вчера утром она прошла собеседование в головном офисе сети «Хлебное дело», — прервал тишину Олег, заметив, на какой строчке я остановился. — Сам Аркадий Савицкий спустился в цех и устроил ей экзамен. Она нашла ошибку в ферментации их флагманского багета. Савицкий взял её на должность ведущего технолога с испытательным сроком в неделю. Оклад приличный. Сегодня у неё первая

смена на Малой Бронной.

Я медленно закрыл папку. В груди разлилась горячая, мощная волна абсолютно искреннего уважения.

Она не стала жертвой. Она не сломалась. Эта хрупкая женщина с глазами цвета гречишного меда просто закатала рукава и заставила суровую Москву играть по своим правилам.

На моих губах сама собой появилась улыбка.

— Олег, — я поднялся, застегивая пуговицу на темно-синем пиджаке. — Отмени встречу с инвесторами в два часа.

— Что передать? Перенос из-за накладок в графике? — понимающе кивнул безопасник.

— Передай, что я уехал на авторский надзор. На очень важный объект, который требует моего немедленного присутствия.

Спустившись на подземную парковку, я сел за руль своего «Майбаха», отпустив водителя. Мне нужно было вести машину самому. Мне нужно было чувствовать дорогу.

Через сорок минут я припарковался в узком переулке у Патриарших прудов. Этот район всегда кипел своей особой, снобской жизнью. Здесь пахло выхлопными газами дорогих спорткаров, свежееобжаренной арабикой и большими амбициями.

Я толкнул тяжелую стеклянную дверь пекарни «Хлебное дело». Звякнул медный колокольчик. Внутри было тепло, шумно и невероятно уютно. В воздухе витал густой, сладко-

ватый аромат ванили, корицы и горячей хлебной корки. За столиками сидели стайки модных девушек с ноутбуками, потягивая матчу на кокосовом молоке.

В своем сшитом на заказ костюме от Brioni, в строгом галстуке и с холодным взглядом я выделялся здесь, как хищник в вольере с экзотическими птицами. Но мне было плевать на публику.

Я подошел к стойке, заказал двойной эспрессо и повернулся к огромной стеклянной перегородке, отделяющей торговый зал от производственного цеха.

Мой взгляд мгновенно нашел её.

Она стояла у длинного металлического стола. На ней был белоснежный двубортный поварской китель, который сидел на её фигуре лучше любого вечернего платья. Волосы были строго убраны под светлую шапочку. Милана отдавала короткие, четкие распоряжения двум молодым пекарям, одновременно ловкими, отточенными движениями формируя куски теста.

Она была в своей стихии. Вся та неуверенность, помятость и растерянность, которые я видел в ней в Казани и в самолете, исчезли без следа. Сейчас передо мной была хозяйка положения. Царица этого горячего, мучного царства. На её правой скуле виднелся случайный мазок белой муки, и эта крошечная несовершенная деталь делала её облик настолько притягательным, что у меня пересохло во рту.

Я стоял за стеклом, сжимая в руке крошечную чашку с эспрессо, и просто смотрел. Не отрываясь.

Она вдруг замерла. Тело, как самый сложный радар, уловило постороннее внимание. Женщины всегда чувствуют, когда на них так смотрят.

Милана медленно подняла голову. Её взгляд скользнул поверх металлических стеллажей, прошел сквозь стекло и безошибочно уткнулся в меня.

Время в пекарне остановилось. Исчез гул кофемашины, смех за столиками, шум Тверской за окном. Остались только её расширившиеся зрачки.

Я не стал махать рукой. Не стал приветливо улыбаться, изображая случайную встречу. Я просто стоял и держал её взгляд, вкладывая в эту зрительную дуэль всё то, что не мог сказать вслух. «Я нашел тебя. От меня не спрятаться. Ты всё равно будешь моей».

Она побледнела. Руки, измазанные в муке, судорожно сжали края белоснежного фартука. Я видел, как часто заби-лась жилка на её шее. Несколько долгих секунд мы смотрели друг на друга сквозь разделявшую нас преграду, а затем она резко отвернулась, что-то быстро сказала своему помощнику и скрылась за массивной дверью складского помещения.

Я усмехнулся, сделал глоток остывшего кофе и подошел к витрине.

Ждать пришлось недолго. Буквально через две минуты боковая дверь, ведущая из цеха в зал, приоткрылась. Милана

вышла к прилавку. Она сняла фартук, оставшись в строгом кителе. Скулы горели румянцем, но подбородок был вздернут с вызовом. Профессионал, готовый защищать свою территорию.

Я сделал шаг навстречу.

— Я же говорил, что Москва — маленький город, Милана Юрьевна, — произнес я, наслаждаясь тем, как звучит её имя.

Она остановилась по ту сторону витрины. В её глазах мелькнула паника, но она быстро подавила её, прикрывшись иронией.

— Пришли проверить, не сорвало ли у нас трубы, Ильшат Равилевич? — её голос был чуть хриплым, сарказм прозвучал как лязг скрещенных клинков. — Или у вашего бюро здесь авторский надзор?

Я оценил выпад. Не стала лебезить. Бьет в ответ.

— Трубы меня сейчас интересуют меньше всего, — я оперся обеими руками о стеклянную витрину, чуть подавшись вперед, сокращая дистанцию до минимума. — Я пришел за хлебом. Хочу тот самый багет, который вы только что достали из печи.

Девушка-кассир, стоявшая рядом с Миланой, заморожено переводила взгляд с меня на свою новую начальницу. Быстро спохватившись, она щипцами подхватила горячий, хрустящий багет и упаковала его в фирменный бумажный пакет.

Я положил на стойку тысячную купюру. Не дожидаясь

сдачи, забрал пакет. Аромат свежего хлеба смешался с тонким запахом её кожи, который я уловил даже сквозь ароматы кондитерской.

Я сделал еще один шаг вдоль стойки, остановившись ровно напротив Миланы. Наклонился к ней. Нас разделяло не больше двадцати сантиметров.

— Ваша смена заканчивается в восемь, — произнес я, понизив голос до бархатного, вибрирующего шепота, предназначенного только для её ушей. — Я буду ждать у входа. Нам нужно обсудить архитектуру... и то, почему вы мне так и не позвонили.

Я не дал ей возможности ответить. Отстранился, коротко кивнул ошарашенной кассирше и направился к выходу.

Выйдя на прохладную улицу, я бросил взгляд через витринное стекло. Милана всё еще стояла у кассы, прижимая ладонь к груди. Даже отсюда я видел, как бешено колотится её сердце.

Охота началась. И на этот раз я не собирался давать ей шанс на побег.

Глава 11

Стрелка настенных часов в подсобке неумолимо приближалась к восьми. Я стянула через голову белоснежный поварской китель, чувствуя, как от накрахмаленной ткани пахнет горячим хлебом и тонкой, сладковатой ванилью. Моя первая смена подошла к концу. Смена, которая доказала мне: я еще жива, я чего-то стою в этом огромном, безжалостном городе.

Но сейчас, глядя в узкое зеркало над раковиной, я чувствовала не профессиональную гордость, а предательскую, почти подростковую дрожь в коленях.

«Я буду ждать у входа», — сказал он несколько часов назад. И его голос до сих пор вибрировал где-то под кожей.

Ильшат Сафин. Архитектор с мировым именем, миллионер, человек, чьи проекты обсуждали на главных градостроительных форумах страны. И он ждал меня. Женщину пятидесяти лет, с потекшим после жаркого цеха макияжем, с руками, стертыми от жесткой муки, и с багажом из болезненного развода и полного финансового краха.

На секунду у меня мелькнула трусливая, липкая мысль: сбежать через служебный выход. Вышмыгнуть во двор, где разгружают мешки с зерном, поймать такси и скрыться в спасительной тишине маминой квартиры на Соколе. Заблокировать его номер. Забыть.

Я оперлась ладонями о холодную раковину и посмотрела себе прямо в глаза.

— Чего ты боишься, Милана? — прошептала я своему отражению. — Ты сегодня спасла элитный багет, поставила на место наглого молодого пекаря и доказала владельцу сети, что твой опыт бесценен. Неужели ты испугаешься мужчины только потому, что у него дорогой костюм и глаза, которые сводят тебя с ума?

Я глубоко вздохнула. Достала из шкафчика свой простой темно-синий костюм, аккуратно застегнула пуговицы, накинула бежевый тренч. Взяла сумку. Я не стала поправлять макияж — пусть видит меня такой, какая я есть. Без прикрас.

Я вышла через главные стеклянные двери пекарни.

Вечерние Патриаршие пруды дышали октябрьской прохладой, шуршали желтыми листьями и светились теплым светом дорогих ресторанов.

Он стоял у кованого фонарного столба. Не в салоне своего пафосного «Майбаха», не в окружении охраны. Один. В расстегнутом темном кашемировом пальто, подняв воротник, защищающий от сырого ветра. В руках он держал два бумажных стаканчика с кофе.

Заметив меня, Ильшат оттолкнулся от столба и шагнул навстречу. В свете уличных фонарей проседь на его висках казалась серебряной, а взгляд — еще более глубоким, пронзительным.

— Вы навели обо мне справки, Ильшат Равилевич? —

спросила я вместо приветствия, останавливаясь в шаге от него. Я старалась держать голос ровным, но он всё равно предательски дрогнул.

Он не стал отводить глаза, не стал придумывать нелепые оправдания про «случайные совпадения».

— Навел, Милана Юрьевна, — спокойно и обезоруживающе честно ответил он, протягивая мне один из стаканчиков. Пальцы соприкоснулись, и тепло от картона мгновенно передалось коже. Раф с цитрусом. Мой любимый. — Потому что вы так и не позвонили. А я не привык терять то, что мне дорого обходится.

— И что же вам дорого обошлось в моем случае? — я приподняла бровь, пытаюсь спрятаться за иронией.

— Мое душевное спокойствие, — Ильшат чуть склонил голову, и на его губах появилась та самая полуулыбка, от которой у меня внутри всё переворачивалось. — С того вечера на кухне вашей подруги я думаю не о плотности бетона, а о женщине, которая умеет останавливать потопа и печь лучший в городе хлеб. Прогуляемся?

В его предложении не было давления. Он не тащил меня в пафосный ресторан, понимая, что после двенадцати часов на ногах у раскаленных печей мне меньше всего хочется соответствовать столичному дресс-коду. Он просто предложил пройтись. И я согласилась.

Мы свернули с шумной Малой Бронной в тихие, узкие переулки старого центра. Под ногами шуршала палая листва,

свет старинных фонарей выхватывал из темноты фасады до-революционных особняков.

Мы шли рядом, плечом к плечу, и между нами не было той звенящей неловкости, которая обычно сопровождает первые встречи. За двадцать лет брака я привыкла, что Андрей всегда шел на полшага впереди, задавая свой ритм, вещая о своих проблемах на стройке, о глупом начальстве и нерадивых рабочих. Моя роль сводилась к тому, чтобы кивать и подда-кивать.

Ильшат шел в моем темпе. И он задавал вопросы. Не де-журные фразы из серии «как прошел день», а вопросы, ко-торые вскрывали мою суть.

— Как вы поняли, что тесто перекисает? — спросил он, когда я вкратце рассказала о своем триумфе в цеху. — Савицкий — перфекционист, к нему на работу пробиться сложнее, чем в космос полететь.

— По запаху, — я улыбнулась, вспоминая утренний азарт. — Хлеб живой, Ильшат. Он дышит. Если молочнокислые бактерии начинают преобладать над дрожжами, запах меня-ется с теплого, орехового на резкий, уксусный. Это химия. Но чтобы её понять, нужно просто любить то, что ты дела-ешь.

— Любить то, что делаешь... — эхом повторил он, оста-навливаясь у красивого здания с лепным карнизом и внима-тельно глядя на меня. — А что вы любили делать до того, как стали технологом? В Москве, до отъезда в Казань.

Этот вопрос застал меня врасплох. Я так давно не вспоминала ту, прежнюю Милану, что мне показалось, будто он спрашивает о совершенно постороннем человеке.

— Я рисовала, — тихо ответила я, глядя на причудливую тень от кованой решетки на асфальте. — Училась в художественном училище. Обожала академический рисунок, архитектурную графику. Я могла часами сидеть вот в таких переулках и переносить на бумагу эркеры, капители, линии старых крыш...

— Почему бросили?

Я пожала плечами. Холодный ветер забрался под воротник плаща.

— Замужество. Переезд в другой город. Потом долгие годы лечения, мы с Андреем очень хотели ребенка, делали ЭКО... Быт съедает искусство, Ильшат. Карандаши сменились кухонными ножами, а ватманы — рецептурными бланками. Я выбрала семью.

— Руки, которые способны чувствовать жизнь в куске теста, не должны забывать кисть, — его голос прозвучал неожиданно глухо.

Мы вышли к небольшому скверу. Ильшат остановился у старой чугунной скамейки. Он расстегнул свое пальто и достал из внутреннего кармана плоский прямоугольный сверток, обернутый в крафтовую бумагу и перевязанный суровой ниткой.

— Что это? — я растерянно посмотрела на его руки.

— Вчера я был в букинистическом магазине на Арбате. Искал материалы для реставрации одного исторического фасада, — он протянул сверток мне. — Увидел это. И почему-то сразу подумал о вас.

Я неуверенно потянула за нитку. Бумага зашуршала, открывая тяжелую, бархатистую на ощупь обложку. Это была не модная безделушка. Не золотые серьги с сапфирами, которыми откупался мой муж за измены.

В моих руках лежал редкий, коллекционный альбом архитектурной графики начала двадцатого века. Роскошное издание с тиснением, пахнущее старой типографской краской и вечностью. На пожелтевших плотных страницах были собраны шедевры тех самых линий, фасадов и эркеров, о которых я только что рассказывала.

К горлу подступил горячий, тугой комок. Глаза предательски защипало. Я провела кончиками пальцев по шероховатой обложке, чувствуя, как трескается, осыпается пылью та самая скорлупа «удобной, приземленной жены», в которой я пряталась два десятилетия. Он угадал. Он заглянул под броню и увидел меня настоящую.

— Ильшат... — я подняла на него блестящие от подступивших слез глаза. — Это невероятно. Я даже не знаю, как вас благодарить. Это слишком ценный подарок.

— Ценно то, что вызывает такие эмоции на вашем лице, Милана, — он сделал полшага ко мне, его взгляд скользнул по моим губам. — Остальное — просто бумага.

Тишину старого переулка разорвал резкий, пронзительный звук. Мой телефон, забытый в кармане плаща, зашелся истеричной трелью рингтона.

Я вздрогнула, вырванная из магии момента. Достала аппарат. На светящемся в темноте экране высветилось имя: «Андрей».

Мой большой палец инстинктивно потянулся к красной кнопке сброса, но Ильшат мягко накрыл мою руку своей.

— Ответьте, — спокойно сказал он. — Иначе он будет звонить всю ночь.

Я сглотнула, чувствуя, как ледяной пот выступает вдоль позвоночника, и нажала кнопку ответа, случайно задев значок громкой связи.

— Ну здравствуй, бизнес-леди недоделанная! — голос бывшего мужа, искаженный плохим динамиком и явной дозой алкоголя, ударил по ушам так громко, что случайный прохожий обернулся.

— Чего тебе нужно, Андрей? — я старалась говорить твердо, но голос дрожал.

— Чего мне нужно?! — рявкнул он с такой яростью, что динамик захрипел. — Я звонил твоей мамаше! Узнал, что ты, оказывается, в Москве устроилась! В элитную пекарню! Что, Милка, возомнила себя великим специалистом? Решила, что сможешь выжить без моих денег?

Я закрыла глаза, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Мне было невыносимо от того, что Ильшат стоит рядом

и слышит эту грязь.

— Я прекрасно выживаю, Андрей. Не звони мне больше.

— Да кому ты там нужна, старуха?! — его голос сорвался на визг. — В своем мучном чепчике! Кому нужен твой хлеб? Ты ноль без меня, понимаешь?! Пустое место! Закончатся те копейки, что Любка тебе подкинула, и ты приползешь! На коленях приползешь, будешь проситься полы у нас с Эльмирой мыть, лишь бы с голоду не сдохнуть!

Слова били наотмашь. Метко, в самые больные точки, растапывая то хрупкое чувство собственного достоинства, которое я по крупичам собирала весь этот день. Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла выдать ни звука. Спазм сковал горло.

И тут произошло то, чего я никак не ожидала.

Ильшат плавно, но абсолютно непререкаемо забрал телефон из моих ослабевших пальцев. Он поднес аппарат к своему лицу. В его движениях не было суеты или злости. Только пугающая, монументальная уверенность хищника, к которому в клетку по глупости забрела дворняга.

— Андрей Викторович, — произнес Ильшат.

Его голос звучал не громко, но в нем был такой слой арктического льда, что у меня по спине пробежал мороз.

На том конце провода мгновенно повисла ватная тишина. Андрей подавился воздухом, явно не ожидая услышать в трубке жены мужской баритон.

— Кто это? — проблеял бывший муж, мгновенно расте-

рвав всю свою пьяную спесь.

— Меня зовут Ильшат Сафин, — чеканя каждый слог, произнес архитектор. И я знала, что любой человек, работающий в строительном бизнесе, знает эту фамилию. — Слушайте меня очень внимательно, потому что повторять я не стану. Если вы еще раз позвоните этой женщине. Если вы еще раз позволите себе подобный тон или хотя бы одно оскорбительное слово в её адрес... ваша карьера прораба закончится завтра утром.

— Вы... вы не имеете права... да я... — попытался было хорохориться Андрей, но Ильшат не дал ему договорить.

— Завтра утром, Андрей Викторович. Вы не найдете работу даже разнорабочим в тундре. Вашу контору разорвут проверками так, что ваша начальница выставит вас на улицу с волчьим билетом.

Ильшат сделал короткую паузу, позволяя смыслу слов дойти до адресата.

— Милана Юрьевна больше не нуждается в ваших подачках, — жестко, как приговор, завершил он. — С этой минуты она находится под моей личной защитой. Забудьте этот номер. Прощайте.

Не дожидаясь ответа, Ильшат сбросил вызов. Быстрым движением пальца он зашел в настройки и в два касания отправил номер Андрея в черный список.

Он протянул телефон обратно мне.

Я смотрела на него снизу вверх, крепко прижимая к груди

подаренный альбом. Мои руки больше не дрожали. Ярость Андрея, его попытки меня унижить — всё это внезапно стало таким мелким, жалким и далеким, словно происходило в другой галактике.

Передо мной стоял мужчина, который только что, не повышая голоса, выстроил вокруг меня непробиваемый щит из монолитного бетона. В его глазах не было снисходительной жалости. В них была абсолютная, спокойная мужская поддержка.

Впервые за много лет я почувствовала себя не обслуживаемым персоналом, не функцией, а Женщиной. Хрупкой, но защищенной.

— Простите за это, — тихо сказала я, забирая телефон.

— Вам не за что извиняться, Милана, — он мягко коснулся моего плеча. Тепло его ладони проникло даже сквозь плотную ткань плаща. — Токсичный мусор нужно выносить вовремя, иначе он отравляет жизнь.

Я смотрела в эти удивительные, золотисто-карие глаза, так пугающе похожие на глаза моего сына, и чувствовала, как в моей груди распускается что-то новое, сильное и теплое. Мое сердце, так долго запертое в казанской квартире, сделало свой выбор.

Я глубоко вдохнула морозный московский воздух.

— Знаете, Ильшат Равилевич... — я робко улыбнулась. — Я живу недалеко отсюда. На Соколе. И моя мама печет потрясающую шарлотку. Если вы не торопитесь... не хотите

выпить чаю? Думаю, моя семья будет рада познакомиться с человеком, который так виртуозно спасает не только от потопов, но и от бывших мужей.

В его глазах вспыхнул такой яркий, откровенный свет, что мне пришлось опустить ресницы.

— С удовольствием, Милана, — ответил он, и мы медленно пошли к его машине.

Я еще не знала, что этот вечерний чай в нашей старой квартире на Соколе станет той точкой невозврата, после которой все тайны прошлого рухнут, погребая под собой наши прежние жизни.

Глава 12

Салон автомобиля Ильшата обволакивал тишиной, отрезая нас от суетливой, промозглой Москвы плотным слоем дорогой шумоизоляции. За тонированными стеклами проносились огни Ленинградского проспекта, а внутри пахло тонкой кожей и тем самым холодным сандалом, который теперь прочно ассоциировался у меня с абсолютной защищенностью.

Я сидела на пассажирском сиденье, прижимая к груди подаренный альбом по искусству, и чувствовала, как медленно, миллиметр за миллиметром, разжимается тугая пружина внутри. Яростный, унижительный звонок Андрея больше не казался катастрофой. Слова бывшего мужа, призванные растоптать меня, разбились о невидимый, но прочный щит, который Ильшат возвел вокруг меня всего парой фраз.

Ильшат вел машину плавно, удерживая руль одной рукой. Мы почти не разговаривали, но это была не та тягостная пауза, которую хочется поскорее заполнить пустой болтовней. Это было уютное, доверительное молчание двух взрослых людей, которым не нужно ничего друг другу доказывать.

Когда массивный черный внедорожник мягко вкатился в узкий, заставленный машинами двор нашей сталинки на Соколе, я на секунду испытала укол нелепого смущения. Контраст между его статусом и облупившейся краской на дверях

нашего подъезда был слишком очевиден. Но Ильшат, заглушив мотор, даже не обвел двор оценивающим взглядом. Он вышел, открыл мне дверь и бережно, как величайшую драгоценность, взял из моих рук тяжелый альбом, чтобы мне было удобнее идти.

Мы поднялись на третий этаж. Я провернула ключ в замке, и тяжелая дубовая дверь бесшумно распахнулась, впуская нас в царство Марии Степановны.

Квартира встретила нас густым, умопомрачительным запахом печеных яблок, корицы и крепкого черного чая. Мама вышла в прихожую мгновенно, вытирая руки о льняное кухонное полотенце. На ней была её любимая шаль и строгие очки на цепочке.

— Мам, познакомься, это Ильшат Равилевич, — я повесила плащ на крючок, чувствуя, как предательски горят щеки. — Он... помог мне сегодня. Ильшат Равилевич, это моя мама, Мария Степановна.

Мамин взгляд, острый и сканирующий, как рентгеновский луч, скользнул по фигуре моего спутника. От её внимания не укрылось ничего: ни идеальный крой его пальто, ни уверенная осанка, ни то, с каким уважением он на меня смотрел.

Ильшат сделал шаг вперед и, к моему абсолютному изумлению, мягко взял мамину руку, поднеся её к губам в старомодном, но невероятно искреннем жесте.

— Для меня огромная честь, Мария Степановна, — его

низкий, бархатный голос заполнил тесную прихожую. — У вас прекрасный дом. Здесь пахнет настоящим уютом. Таким, к которому хочется возвращаться.

Мамино сердце, обычно недоверчивое к незнакомцам, сдалось без боя за секунду. На её щеках появился легкий румянец, а строгая складка между бровями разгладилась.

— Проходите, пожалуйста, Ильшат Равилевич, — засуетилась она, забирая у него пальто. — Мойте руки, гостиная прямо по коридору. Милочка, а ну-ка марш на кухню, поможешь мне с подносом. Шарлотка только из духовки.

— А Никита? — шепотом спросила я, разуваясь.

— Никита у себя в комнате, — так же тихо ответила мама, кивнув на закрытую дверь в конце коридора. — Надел свои огромные наушники, чертит курсовую. Сказал, чтобы не дергали до ужина, у него там дедлайн какой-то горит. Пусть мальчик занимается, мы и сами гостя приветим.

Она повернулась к Ильшату, который как раз вышел из ванной, закатывая рукава темно-синего джемпера.

— Располагайтесь в гостиной, мы буквально на минутку, — улыбнулась Мария Степановна, увлекая меня за собой на кухню.

Как только дверь за нами прикрылась, мама прижала руки к щекам и округлила глаза.

— Мила! — выдохнула она восторженным полусшепотом. — Это же порода! Какая там стройка, какие сантехники, ты что мне рассказывала? У него на лбу написано, что он поло-

виной Москвы владеет. Но главное не это. Главное — как он на тебя смотрит! У меня самой мурашки по спине пробежали.

— Мам, перестань, — я отвернулась к буфету, пытаюсь скрыть пылающее лицо, но губы сами растягивались в улыбке.

Впервые за долгие, выматывающие годы я чувствовала себя не придатком к чужой жизни, не брошенной «старой привычкой», а желанной, красивой женщиной. Внимание такого мужчины окрыляло.

Мы достали с верхней полки мамину гордость — старинный сервиз Ломоносовского фарфорового завода. Знаменитая кобальтовая сетка с золотыми вензелями. Я аккуратно расставляла тонкие, почти прозрачные чашки на тяжелом мельхиоровом подносе, пока мама нарезала еще дымящуюся, пышную шарлотку с антоновкой. Внутри меня порхали бабочки. Я предвкушала долгий, теплый вечер. Разговоры об архитектуре, мягкий свет торшера, его смех.

— Всё, неси, — скомандовала мама, водружая в центр подноса пузатый заварочный чайник. — Я сейчас варенье вишневое переложу в розетку и следом приду.

Я подхватила поднос. Металл охлаждал пальцы, тонкий фарфор едва слышно позвякивал в такт моим шагам.

Я шла по длинному коридору сталинки. Старый паркет привычно скрипел под мягкими домашними тапочками. Из-под приоткрытой двери гостиной падала полоска теплого

желтого света. Я улыбалась своим мыслям, на ходу придумывая какую-нибудь легкую, ни к чему не обязывающую шутку, чтобы разрядить обстановку, если Ильшату стало скучно одному.

Я толкнула дверь плечом и шагнула в комнату.

Слова, готовые сорваться с губ, застряли в горле.

Ильшат не сидел на диване. Он стоял у противоположной стены, рядом с массивным дубовым книжным шкафом, верхние полки которого мама традиционно отвела под семейные реликвии и фотографии.

Он стоял ко мне вполоборота. Свет от старого торшера с бахромой падал прямо на его лицо, безжалостно обнажая каждую деталь.

Ильшат был бледен как мел. Под его загорелой, смуглой кожей словно не осталось ни капли крови, превратив лицо в застывшую алебастровую маску. Свободной левой рукой он вцепился в край деревянной полки. Вцепился с такой первобытной силой, что побелели костяшки, а на тыльной стороне ладони вздулись вены. Его широкая грудь тяжело, прерывисто вздымалась, будто в комнате внезапно выкачали весь кислород.

В правой руке он держал тяжелую серебряную рамку. В ней был крупный портрет Никиты, сделанный полгода назад на его восемнадцатилетие.

Я замерла на пороге, не в силах сделать ни шага. Поднос в моих руках вдруг стал невероятно тяжелым.

Я видела, что Ильшат не просто рассматривает фотографию чужого подростка. Он смотрит в нее, как в безжалостное, искажающее время зеркало.

Мой взгляд, словно примагниченный, метнулся от лица на фотографии к живому, дышащему профилю мужчины, стоящего в полуметре от нее.

Свет торшера безжалостно и четко очерчивал каждую линию. Я смотрела на упрямый, чуть угловатый излом его челюсти. На гордую, уверенную посадку головы. На характерную, едва заметную горбинку на переносице и этот уникальный, чуть надменный изгиб левой брови.

Это было не просто сходство. Не совпадение типажей, на которое я так отчаянно пыталась списать всё несколько дней назад на Любиной кухне. Это была биология. Слепок. Ксерокопия, над которой время поработало лишь для того, чтобы добавить морщин и посеребрить виски.

В моей голове с оглушительным, нарастающим гулом запустилась центрифуга памяти. Кусочки пазла, которые двадцать лет валялись в темных углах подсознания, внезапно начали слетаться воедино, образуя пугающую, невозможную в своей реальности картину.

Казань. Двухтысячные годы. Холодные, стерильные коридоры клиники репродуктологии. Андрей, прячущий от меня глаза и нервно кусающий губы после оглашения результатов его спермограммы. Тихий голос врача: «Шансов на естественное зачатие нет. Даже для ЭКО материал мужа не под-

ходит. Единственный выход — донорская база. Мы подберем фенотип, максимально похожий на супруга...» И моя подпись на кипе безликих соглашений об анонимности.

Я задыхалась. Воздух в гостиной вдруг стал густым и обжигающим.

Ильшат. Архитектор из Москвы, который оказался в Казани. Мужчина, в чьих глазах я с первого взгляда увидела своего сына.

Боже мой. Нет. Не может быть.

Мои руки, державшие тяжелый мельхиоровый поднос, начали предательски, неконтролируемо дрожать. Тонкий кобальтовый фарфор жалобно, мелко звякнул о металл. Этот звук — тихий, но в мертвой тишине комнаты прозвучавший как сигнал тревоги, — разрушил оцепенение Ильшата.

Он медленно, словно преодолевая колоссальное физическое сопротивление, повернул ко мне голову.

В его золотисто-карих глазах больше не было ни спокойной уверенности, ни теплой иронии, ни того укрывающего, защищающего спокойствия, которое спасло меня час назад на улице. Там бушевал абсолютный, сметающий всё на своем пути шторм. Дикая, первобытная смесь шока, пронзительной боли, узнавания и немого, кричащего вопроса.

Он смотрел на меня, всё еще сжимая в руке серебряную рамку с фотографией Никиты. И в этом долгом, остановившем время взгляде читалась разгадка тайны, которую мы оба не искали, но которая только что раздавила нас своей тяже-

стью. Он понял. Он всё понял.

«Мой сын?» — кричали его глаза.

«Твой», — с ужасом осознала я.

Мои пальцы, сведенные судорогой, разжались сами собой.

Мельхиоровый поднос выскользнул из ослабевших рук, кренясь набок. Оглушительный, резкий звон разлетающегося вдребезги драгоценного фарфора обрушился на уютную московскую гостиную. Осколки знаменитой кобальтовой сетки брызнули по дубовому паркету, горячий чай темной лужей растекся у моих ног, а сладкий запах свежей шарлотки навсегда смешался с запахом катастрофы.

Точка невозврата была пройдена. Наша прошлая жизнь разбилась вдребезги вместе с этими чашками, и пути назад больше не существовало.

Глава 13

Звон разлетевшегося вдребезги кобальтового фарфора всё еще вибрировал в воздухе, физически оседая на барабанных перепонках. Горячий чай расплзся по старому дубовому паркету темной, дымящейся лужей, подбираясь к носкам моих домашних туфель. Сладкий, густой аромат свежеспеченной антоновки с корицей смешался с едким запахом катастрофы.

Ильшат медленно, словно каждое движение давалось ему ценой невероятных усилий, опустил тяжелую серебряную рамку обратно на полку. Его пальцы разжались не сразу — суставы побелели от напряжения, словно он отпускал не кусок металла со стеклом, а саму свою жизнь.

Он развернулся ко мне.

Между нами не было произнесено ни единого слова, но в ду

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.